

Стася Андриевская

(НЕ)просто
S.O.S.E.D

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Господи, мне - так нельзя любить...

Стася Андриевская
(Не) просто сосед

«Автор»

2020

Стася Андриевская

(Не) просто сосед / Стася Андриевская — «Автор», 2020

Их знакомство началось стычкой, и это было как знак свыше — держитесь друг от друга подальше. Но они не послушались, сошли друг от друга с ума... и оба рухнули в бездну: Руслан оказался в тюрьме, а Полина хлебнула такого позора, что пришлось менять внешность. Жалеют ли они о том, что случилось? Ещё как. Готовы ли отказаться от того, что было? Ни за что! А значит, это ещё не конец, и они будут бороться... Содержит нецензурную брань.

© Стася Андриевская, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	38
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	50
Глава 16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Стася Андриевская

(Не) просто сосед

Глава 1

– Ну говорю же вам, я бы с удовольствием, но у меня работа! – Полина неловко переложила телефон на другое плечо, прижала его ухом. – ...Ну, так Марк с Марусей приедут, Лидия Петровна! Ну как, как? Очень просто! Возьмут такси и приедут... – Рука с висящим на ней тяжеленным пакетом безвольно разгibasась, и Полина уже в который раз промахнулась мимо нужной кнопки домофона. Злилась. – ...А у человека свадьба, Лидия Петровна! Она же не виновата, что к вам... – спохватилась, – что *к нам* родственники прие...

Запястье прошило болью, Полина охнула и уронила пакет. По ступеням подъездного крыльца покатались лук и картошка. От усталости и злости набежали слёзы, но Полина лишь закусил губу и, слушая отповедь свекрови, собрала овощи. Молча. Потому что всё бесполезно: объяснять, договариваться, и даже оправдываться.

– Лидия Петровна, вы извините, мне сейчас так неудобно... Я вам позже перезвоню!

Сбросила вызов и, едва удерживая ногой тяжёлую дверь, наконец-то протиснулась в подъезд.

– Не закрывай! – донёсся следом сиплый мужской голос, но поздно. Да и вообще – не больно-то надо. К чёрту всех! Задолбали... Задолбали-и-и!

После пронзительного майского солнца в подъезде стояла темень. Осторожно нащупывая ногой ступени, Полина поднялась на площадку первого этажа. Руки, казалось, вот-вот оторвутся, потянутое запястье горело. С трудом запихнув в узкую дверь лифта баулы, из последних сил ткнула кнопку девятого этажа.

...«Нормальная женщина никогда не променяет семью на работу» – звучал в голове нравоучительный тон свекрови. Стерва, блин... Надо было спросить у неё – а нормальная женщина стала бы таскать через полгорода сумки по десять кило каждая, лишь бы сэкономить тыщёнкую другую в месяц? И кто, спрашивается, всё это съест – сама Полина что ли? Или Маруська? Ага, куда там...

Что-то гроыхнуло, Полина подняла взгляд и попятилась – почти закрытую дверцу лифта крепко удерживала мужская рука. Чернота под ногтями, грубая, пошарпанная кожа... Полина отметила это мгновенно, на автомате, ещё даже не успев понять чего испугалась, а рука уже агрессивно толкнула дверцу, и та покорно поползла в сторону.

Мужик был на целую голову выше. Взлохмаченные тёмные волосы, бичёвская щетина. Подсохшие ссадины на скуле и переносице, рассечённая застарелым белёсым шрамом бровь и оценивающий взгляд, от которого у Полины похолодело в груди.

Он сделал шаг вперёд, и вместе с удушающей волной паники на Полину обрушился и запах – густой, терпкий запах мужика. Не из тех, которые захаживают к ней в салон полировать ногти и оформлять холёную бородку, а другого – смертельно уставшего, потного, пропитанного соляжкой, куревом и ещё чем-то таким резким... Чем-то, отчего тут же ослабили колени, и на губах застыло обречённое «Пожалуйста, не надо...», но в то же время в голову ударила отчаянная смелость. Полина кинулась вперёд:

– Стойте! Я поеду одна!

Мужик раздражённо дёрнул щекой, сощурился. Только что не зарычал. Хищник – голодный и злой.

– Я кому сказала! – зашипела Полина и, совсем уж оборзев, пихнула его в грудь. – Вон пошёл!

А он только отмахнулся от неё и, всё-таки войдя, ткнул кнопку девятого этажа. Полина кинулась на него с кулаками. Он перехватил её руки и легко, словно она и не сопротивлялась, завёл ей за спину. Прохипел, обдавая запахом водки:

– Не кипиши, малая, не съем.

– Помогите! По-мо-ги-и-и-те!!! – заорала Полина.

Этого мужик не ожидал. Едва не снеся спиной двери, шарахнулся из лифта.

– Только сунься, гад! Я тебя... Я... – молотя по кнопкам этажей, рычала Полина.

– Ты с какой квартиры, дикая? – зло просипел он, снова цепляясь за съезжающиеся дверцы, но больше не делая попытки их удержать. – Я к тебе в гости зайду, слышь? На счёт вежливости.

– Только попробуй! Посажу за изнасилование, понял?

И тут же, взвизгнув, отпрыгнула к задней стенке – мужик с такой силой врезал снаружи по закрытым уже дверям, что показалось, пробьёт их насквозь.

Глава 2

Пока поднималась, суматошно распихивала по пакетам всё, что из них вывалилось. В голове билось: «Догонит... Догонит...», пульс зашкаливал. Выскочила на своём этаже и сходу врезалась в человека. Сердце чуть не разорвалось.

– Фуху-у-ух... Здрасти, тётъ Валь!

– Ты слыхала, кричал вроде кто внизу?

– Я кричала. – И бегом к своей квартире. Руки дрожали, и ключ упрямо не хотел попадать в замочную скважину, а между тем, лифт, грозно гудя и поскрипывая, уже поехал вниз. – Да твою ж мать, открывайся!

– А чё случилось-то, Поль?

– Да так, напугалась, – буркнула она и, наконец открыв дверь, подхватила пакеты, но ручка одного из них, словно издеваясь, лопнула, и проклятые овощи снова покатались по площадке. – Да твою ж ма-а-ать! Ну сколько можно-то, а?!

– Ничё, ничё, я помогу! – засуетилась соседка, собирая. – Ты иди, иди, я сейчас занесу!

Ворвавшись в квартиру, Полина бессильно рухнула на банкетку, прижала ладони к бешено стучащему сердцу.

– А ты почём картошку-то брала? – зашла соседка следом. – Хорошая какая, твёрденькая и почти без рóстиков. Займи мне парочку?

– Тётъ Валь, там, внизу, мужик какой-то... В лифт со мной пытался залезть.

– Х-х-х! – ужаснулась соседка. – Да ты что?! Тот самый что ли?

– Не знаю, – Полина скинула кроссовки и поволокла пакеты в кухню. – Как думаете, может, мне в полицию позвонить?

– Спрашиваешь! – пошла та следом. – Конечно, позвонить!

– Но он же ничего не сделал, что я скажу?

– Так если ждать пока сделает – это ж можно и дожждаться! Ты позвони, Полин, позвони обязательно, а милиция пусть сама разбирается! А если вдруг что, я подтверждаю, что тоже видела как он приставал, за это не переживай! – И она хозяйски полезла в пакет, добавляя к «парочке» картошин луковицу с морковкой и банан. – Я это, на днях в магазин пойду и тогда верну, ладно?

Полина кивнула. Не вернёт. Потому что за все пять лет ни разу не сподобилась – ни «парочку яичек», ни «маслица кусочек», ни «ты меня сейчас своей краской покрась, а я потом куплю и занесу», ни десятки всяких там ещё «займи по-соседски».

Проводив соседку, проследила в глазок, как та скрылась в квартире напротив... А спустя какое-то время поймала себя на том, что так и стоит, прилипнув к глазку, и рассматривает через него подъезд – словно вражеские позиции в перископ. Мой дом, моя крепость. Ага. Вот только, за Маруськой как теперь идти, по интернету что ли?

Муж даже не слышал, что она пришла – нацепив наушники, рубился в «танчики». Полина подошла сзади, обняла его, прижимаясь, ища успокоения и поддержки, но Марк только нетерпеливо повёл подбородком, уворачиваясь.

– Представляешь, меня сейчас чуть... – замялась на мгновение, – чуть не изнасиловали. В лифте.

– Мм.

И всё. Полина слышала, как в его наушниках отдаются приказы, чувствовала сосредоточенную напряжённость мужа, его геройский настрой на победу... и полное отсутствие в этой реальности. Пихнула его в спину:

– Чего м?! Я говорю, меня чуть не изнасиловали! – потянула за один наушник. – Слышишь? Я говорю...

– Да подожди ты! – резко дёрнул он плечом. – Вечно ты... Блин! – треснул ладонью по столу, сдёрнул наушники. – Всё! Меня убили из-за тебя, довольна? Вечно ты... Ну? Говори, чего хотела?

– Уже ничего! Хотя... А давай за Маруськой вместе пойдём?

– Ну не-е-е, сегодня вообще капец, как крутит, даже укол делал. – Отъехал на кресле чуть назад, вытянул вперёд левую ногу. Голень, чуть выше щиколотки, опоясывал рубец, и всё, что ниже него, было синюшного оттенка. – Погода переменится, точно.

– Почему босой опять? – всплеснула руками Полина. Потрогала стопу. – Ну ледяная же! Где носки?

Принесла из спальни носки из собачьей шерсти и, присев перед мужем, натянула их на его ноги.

– Вот ты как маленький, Марк! А потом опять по реабилитациям мотаться.

А он, жёстко обхватив пальцами её затылок, потянул на себя, одновременно недвусмысленно подаваясь бёдрами вперёд.

– Марк, – уворачиваясь, вцепилась его руки Полина. – Не сейчас. Мне... Мне за Маруськой надо бежать, а там ещё... Сумки ещё... Давай потом!

Опустившись на табурет в кухне, уставилась на так и не разобранные пакеты. Устала. Кто бы знал, как она устала!

– Кстати, что там у тебя с мамой? – раздалось из-за спины. – Она говорит, ты опять хамишь?

– Чё-ё-ёрт... Забыла совсем, я же ей перезвонить хотела! Слушай, а кто там у вас приезжает в эту субботу?

– Жена троюродного дяди по отцовской линии, это их зять у нас тут в прокуратуре масть держит, помнишь, мама рассказывала? – зашёл Марк в кухню. – Я её, если честно, и сам ни разу не видел. Она из Челябинска, здесь проездом на день, мама хочет нас познакомить.

– Зачем?

– Ты меня не слушаешь? Её зять большой человек в нашей прокуратуре. А это связи, что непонятного?

Полина вздохнула.

– Связи, это, наверное, круто, вот только у меня в эту субботу работы валом.

– Подумаешь. Отмени.

– И ты туда же? Отмени... Не получится! Некому передать клиентку, понимаешь?

Марк прислонил бадик к столу и полез по пакетам.

– Нет, это ты не понимаешь – маме нужно, чтобы мы приехали, значит, мы приедем. Без вариантов. – Выудил сгущёнку в мягкой упаковке, свинтил крышку, присосался. Потом бросил её, не закрыв, на соседний стол, отломил от связки банан. – Она, между прочим, для нас старается.

– Ну да. И поэтому я постоянно обслуживаю всех этих её стервозных подружек, да? Бесплатно, заметь и без всех этих хваленых бонусов от связей, просто как приложение к твоей маме. Как будто она мне хозяйка! Нет, я не спорю, может, она с этого что-то и имеет, а вот я только трачу время, и теряю в заработке на нормальных клиентах!

– Н-да-а-а... Мельчаешь, Полин! Тебе мало того, что из меня инвалида сделала, так ещё и матери надо все нервы вытрепать, да? Знаешь, я скучаю по той деревенской девочке, которая умела быть благодарной. Не думал, что город так быстро тебя испортит.

Глава 3

За Марусей собиралась, как на спецзадание. Вместо яркой рубашки в клетку надела малоприметную чёрную ветровку с капюшоном. Вместо джинсов – спортивные штаны. Вместо белых кроссовок – серые кеды. Волосы собрала в тугую косу. Сверху бейсболка. Несмотря на вечер – солнцезащитные очки. А в кармане – зажатый в кулаке ключ с торчащим наружу зазубренным концом. На всякий случай.

Натянув на бейсболку ещё и капюшон, всю дорогу до садика озиралась, видя в каждом высоком мужике того самого. Но когда, с тёплой дочуркиной ладошкой в руке, вышла с охраняемой территории сада – поняла, что бояться за двоих гораздо страшнее, чем за себя одну.

– Мапочка, я устала! – совсем скоро захныкала Маруся, и Полина поняла, что подстраиваясь под её скорый шаг, дочка просто бежит. Сбавила обороты.

– Мапочка, а почему ты в очках?

– Для красоты, Марусь.

– Я тоже хочу!

– Дочь, давай домой придём и тогда, ладно?

– Не-е-ет, я сейчас хочу!

Пришлось отдать ей очки, а самой надвинуть пониже козырёк бейсболки. Три минуты относительного покоя, и:

– Мапочка, я писать хочу.

– Дочунь... Потерпи, а?

Но Маша захныкала и повисла на больном Полинином запястье. Пришлось срочно искать кустики. После кустиков Маше захотелось на ручки. После ручек – на детскую площадку во дворе, а это было совсем уж ни к чему – чем ближе к дому, тем сильнее охватывала Полину тревога.

– Марусь, а пойдём лучше к маме на работу?

– Не-е-ет! Хочу каче-е-ели!

– Ладно, – пошла Полина на хитрость, – просто тётя Света хотела тебе ногтики накрасить. Но если ты не хочешь...

Небольшой салон-парикмахерская, в котором Полина арендовала кресло и стол, ещё два года назад был обычной однушкой в типовой девятиэтажке. Теперь же у неё был отдельный вход, пробитый в стене бывшей кухни, высокое крыльцо с перилами и козырьком, и большие окна, выходящие на внутриквартальную мини-парковку. Современный интерьер в нейтральных тонах и абсолютно всё необходимое для работы, от мебели и водонагревателя до крутого мобильного света.

Арендовать такое удовольствие стоило ощутимо дороже, чем в среднем по району, но в перерасчёте на удобство и, главное, на время – бесценно, потому что жила Полина в соседнем подъезде этого же дома. А раньше, до открытия салона, рвалась на части: маникюр делала у себя на дому, а стригла в парикмахерской за три остановки отсюда. Тогда ей частенько приходилось терять в деньгах, но ещё чаще – мотаться весь день с точки на точку, и это жутко выматывало, особенно если приходилось таскать за собой Маруську. А таскать приходилось – в садик та поначалу ходила в лучшем случае неделя через неделю, а сидящий дома Марк не справлялся из-за ноги. А больше никому.

– Тётъ Свет, нам срочно нужны ногтики! – с порога объявила Полина.

– Сиреневые! – поддакнула Маруська.

– Ах силе-е-енивые, – передразнила её Светланка и открыла кейс с лаками. – Ну давай посмотрим, что у нас есть...

А после того, как довольная Маруська, растопырив пальчики, уселась смотреть мультики в планшете, Полина полушёпотом рассказала Светке о происшествии в лифте.

– Погоди, что, вот прям зашёл и начал хватать? – ужаснулась Светка. – Капе-е-ец...

– Ну... – замялась Полина, – вообще-то я, конечно, первая бучу начала. Но знаешь, он тоже борзый! Нет, чтобы вышел сразу, как я сказала, так нет, наоборот, вошёл и кнопку нажал. На девятый! Я поэтому сразу на лифтёр и подумала. А ещё, он пригрозил, что найдёт меня... – окончательно сникла. – Блин, Свет, что мне теперь делать-то?

– Да что, благоверному своему пожалуйся!

– Да ему, похоже, пофиг. Мне иногда вообще кажется, что ему лишь бы холодильник был полный и за интернет уплачено.

– Сама виновата, повадила. А у меня вот, видала? – Светка пошевелила пальцами, демонстрируя новое золотое кольцо. – Это, если что, изумруд. И при этом ни жрать готовить не надо, ни носки стирать, ни за квартиру платить. Вот это я называю стабильность, а не эти твои борщи-макарены. Учись!

– Может, ты и права.

– Может?! Да я тебе полжизни уже твержу, что мужики любят стерв! А на таких Золушках, как ты, просто женятся, чтобы домработницу не нанимать!

– А тут ещё свекровь эта... – вздохнула Полина и потёрла запястье. – Представляешь, с оптовки сегодня пакеты тащила и руку потянула. Да так сильно!

– Во-во. Делать тебе нечего! Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик. Герой! Грамоту тебе, Щербакова! В рамочку и на стеночку.

– А у меня в субботу сложная укладка, и народ сплошняком до вечера...

– Если ты намекаешь, чтобы я за тебя вышла, то у меня на этот день личная жизнь по плану. Так что извиняй. Погоди-и-и... – Светка неожиданно подалась вперёд. – На девятый, говоришь? Слу-у-ушай... А ведь и правда, маньяк!

– Почему?

– А потому, что если он не хотел блокировать лифт между этажами, то к кому он ехал-то тогда?

Полина застыла. И почему она не подумала об этом сама?

Уже в десятом часу вечера заглянула к тёте Вале. Соседка, перекрестившись, уверила, что к ней страшные мужики отродясь не хаживали, и призадумалась, потому что действительно, сейчас на их площадке из четырёх квартир были заселены только две – её и Полина.

Тут же, при Полине, позвонила хозяйке квартиры, которая находилась рядом с её. Квартира та около года назад горела и с тех пор стояла пустая.

– Говорит, – положила она, наконец, трубку, – с ремонтом пока даже затеваться не хотят, но и продавать не думают. Так что не к ним этот твой мужик ехал, точно. А в той, что рядом с вами, вообще тишина – как Никитична померла, так и всё. Был у меня, кстати, номерок её дочки... Но это когда ещё, лет десять уже прошло... – слюнявя палец и шустро переворачивая страницы записной книжки, бормотала она. – Тем более, и дочка-то сама неместная, поэтому Никитична тогда и разлагаться-то уже начала. А сын... – и замолчала, рассматривая какую-то запись.

– Что сын?

Соседка очнулась:

– А, да ничего! Как в девяностых подался на Севера, так и с концами. Уж почти двадцать лет! Ты не бери в голову, я сама про них всё узнаю. – И продолжила листать блокнот. – Так, а

дочку-то как звали? То ли Аня, то ли Алёна. Вот дура старая, ничего уже не помню! Ну ничего, у меня ещё есть номер Наталки, они с Никитичной когда-то на автобазе вместе работали.

– Да ладно, тётъ Валь, не надо, не звоните больше никому! – ужаснулась энтузиазму соседки Полина. – Зачем людей беспокоить!

– Ну, смотри... – разочарованно поджала та губы. – А вообще, мне не сложно. И ты всё-таки зря в милицию-то не заявила! Он ведь в другой раз умнее будет, сразу по башке тукнет и всё. Не тебя, так ещё кого-то.

Глава 4

Когда Полина, уложив Марусю, вошла в зал, Марк рубился в танчики. Сначала она хотела всё-таки рассказать ему о случившемся, но так и не решилась отвлечь. Просто села на диван и, поджав ноги, провалилась мыслями в себя.

«Мужики любят стерв! А на таких Золушках, как ты, просто женятся, чтобы домработницу не нанимать!» Светкина философия по жизни, и Полина уже давно перестала обращать на неё внимание, но иногда, когда особенно хотелось внимания и поддержки, становилось вдруг тоскливо. А что, если Светка права?

Знакомство с Марком было похоже на сказку. В тот день он подвёз своего друга на дискотеку в Полинино училище и задержался там ненадолго, моментально произведя фурор среди ПТУ-шниц: мало того, что симпатичный, так ещё и старше всех местных пацанов – целых двадцать два года! К тому же, хотя и не сынок олигарха, но довольно мажористый. Этаким хозяин жизни, который словно сошёл с небес. Не уровень рядового ПТУ, точно. И тем удивительнее, что он там вообще оказался. Да ещё и из целой толпы девчонок, среди которых были и постарше, и поярче, и поопытнее, заметил почему-то именно Полину, обычную провинциалку – наивную и зашуганную. Заметил и, сходу схватив за руку, дёрнул к себе: «Откуда в таком клоповнике такой подснежник? Как-как? Старая Покровка?... Это где вообще такое? Хотя, не важно. Ты теперь моя, ясно? Увижу кого рядом...» – показал кулак и подмигнул. А Полина фыркнула и сделала вид, что ей вовсе не лестно. И что завистливые взгляды старшекурсниц не щекочут приятно гордость, и что сама она не выискивает его теперь взглядом в толпе. А потом он просто уехал, даже не попрощавшись, и Полина, повздыхав пару дней, спустилась с небес на землю.

Но уже к концу недели он появился снова и больше не давал прохода. Бабушкины заветы о девичьей чести, об которых за прошлый год обломался не один ПТУшник, позабылись уже на пятый день. И не то, чтобы Полина хотела, но Марк был очень настойчив, а она отчаянно боялась выглядеть в его глазах деревенской лохушкой и... В общем, всё случилось неожиданно и не так, как она об этом мечтала. Ей-то думалось, первый раз – это на постели из розовых лепестков и непременно после свадьбы, или хотя бы после помолвки... Но никак не на заднем сиденье машины в сотне метров от студенческой общаги!

Это заняло не больше пяти минут. Было неудобно, больно, и стыдно. Зато Марк остался доволен тем, что оказался у неё первым и стал прилюдно называть её «моя девочка» И Полина пропала! Утонула в нём, как в омуте своих давних мечтаний о большой и чистой любви.

И как же, спустя два месяца, ей было больно узнать, что у него, оказывается, есть другая, постоянная девушка.

Как ей было тогда плохо! И снова больно и стыдно, как в тот раз – на заднем сиденье его машины. Она чувствовала себя использованной лохушкой, тряпкой, об которую вытерли ноги и выкинули... А тут ещё Светка, соседка по комнате, зудела над ухом, масла в огонь подливала: «А я тебе сразу сказала, что такие, как ты, для таких, как он просто деревенская экзотика. Таким мальчикам другое подавай, такое, что тебе и не снилось!»

А через полгода Марк появился снова. Сказал, что порвал с бывшей девушкой и даже поругался из-за этого со своей матерью – всё ради своего любимого Подснежника!

Конечно, Полине было лестно. Ей словно удалось что-то кому-то доказать – той же Светке, например. Но всё равно, она лишь внимательно выслушала его... и гордо послала к чёрту.

Вот только и Марк не сдался. Настойчиво караулил её после учёбы и в обязательном порядке вёз в кафе. Сам заказывал для неё ужин и следил, чтобы она всё съела, а если она не хотела – заставлял. Говорил: «Надо, я сказал!» – и всё тут. Попробуй хоть слово поперёк! Слал

по тысяче СМСок в день, спрашивая, где она, с кем и чем занимается. Контролировал даже в мелочах. Ревновал, как безумный! А вот на счёт близости, наоборот, и не заикался. И хотя Полина частенько замечала, что в штанах у него становится тесно – всё равно было понятно, что ему от неё нужно совсем не это. Ну, во всяком случае, это явно было для него не главным. Словом... убедил. И примерно через полтора месяца настойчивой осады Полина сдалась.

Она принадлежала ему без границ и остатка. Так, как он хотел, столько, сколько он хотел – в его требовательной, грубоватой манере. Он учил её плотской любви, раскрепощал, даже, скорее, развращал, и это было настолько ново и чуждо для неё, что походило на особое искусство – острое, чувственное, на грани между удовольствием, болью и, зачастую, стыдом.

Вскоре, по его настоянию, Полина окончательно завязала с подружками ПТУ-шницами – Марк считал, что они на неё плохо влияют. И вообще, он очень хотел семью и настойчиво предлагал пожениться ещё когда Полина училась на втором курсе. А когда она заупрямилась, что сначала должна доучиться – терпеливо ждал ещё целых два года. Бабушка тогда порадовалась за Полину и сразу сказала, что такие, как Марк – редкость среди мужчин и наказала беречь его и их отношения.

Полина хвасталась своим счастьем Светке, но та лишь крутила пальцем у виска, и демонстративно игнорировала Марка, когда он появлялся в их общажной комнате. Полина видела – подруга просто завидует, и не обижалась...

Вот и теперь – всё-таки не права Светка на счёт стерв и Золушек! И счастье её хвалёное – не настоящее. Блестит золотом, шуршит купюрами, а глаза, когда смотрит на влюблённые парочки или маленьких детей, всё равно выдают тоску. И работает она по выходным не потому, что так уж сильно любит своё дело или, как Полине, – деньги позарез нужны, а всего лишь прячется от одиночества. Потому что ни один приходящий любовник, какую бы шикарную квартиру он тебе ни снял и как бы щедро не спонсировал, не сумеет дать простого женского счастья – семью.

Вот только, что же теперь не так? Откуда ощущение, что всё разваливается и на этих обломках они с Марком каждый сам по себе?

Может, дело действительно в том, что, зарывшись в быт, она стала... клушей? Но тогда, кому как не ей всё исправлять?

Подошла, положила руки ему на плечи. Не обращая внимания на его привычное взбрыкивание, поцеловала в шею. Массируя, пробежалась пальцами по волосам, по подбородку и вниз, к груди и животу. А потом, настойчиво развернув вместе с креслом лицом к себе, опустила на колени между его разведёнными бёдрами...

– Марк, спишь? Ма-а-арк.....

– М? – не поворачиваясь, ответил он в темноту.

– Ты меня любишь?

Тишина. Полина подождала немного и снова легонько пихнула его в спину:

– Ну Марк? Любишь?

– Сама-то как думаешь? – сонно буркнул он.

Она помолчала.

– Думаю, больше нет.

– Ну и дура! – грубо бросил он, но уже в следующее мгновение повернулся к ней: – Ну что за вопросы, малыш? Конечно, люблю! У меня же вся жизнь – это ты и Машка.

– Мне просто, знаешь, иногда кажется, что ты всё время чем-то недоволен. Как будто я раздражаю тебя, что ли?

– Бывает. Особенно когда ты начинаешь хамить маме.

– Марк, я пыталась найти замену, правда! Но не получилось. А у клиентки свадьба, понимаешь?

– Ну вот видишь. У всех свои заморочки, а крайним, как обычно, останусь я. Ладно, давай так – я с мамой договорюсь и съезжу к ней сам. И Машку возьму с собой, чтобы она тебе не мешалась.

– Спасибо! Не представляешь, как для меня это важно!

– Должна будешь! И кстати, отсос был шикарный. Такое впечатление, что ты на ком-то тренируешься.

Это был обычный для него комплимент «два в одном»: и похвала, и что-то типа признания в любви. Что-то вроде: «Так как можешь ты, не может больше никто, поэтому я тебя ревную, и ты должна это знать» Раньше, ещё до свадьбы и рождения Маруськи, как только Полина окончательно привыкла к своеобразным манерам Марка, ей даже начала нравиться его нарочитая грубость. Но тогда ей и глубокий, до рвоты, минет почти понравился – казалось, ведь, это страсть на разрыв, до испепеления! Всё ради своего мужчины!

А теперь его грубость лишь раздражала и обижала. А минет... Просто сноровка и правильное дыхание. Просто надо потерпеть, а потом пару дней горло болит и мучает вопрос – ну неужели ему реально ещё не надоела эта игра в принуждение?

Часы показывали третий час ночи, Марк давно храпел, а Полина всё не могла уснуть. Опять вспоминала того мужика. Вот точно, хищник. Волчара. Видавший виды и уставший от жизни циник.

А вообще, какого чёрта, спрашивается, она просто не вышла из лифта сама? Зачем нарывалась, провоцируя его? Ну и пусть бы ехал первым!

...Да ещё и найти обещался!

От мысли, что он знает её подъезд, замирало сердце. Кто он такой, что у него на уме? А вдруг он не «лифтёр», но его последователь? Бывает же, что у маньяков появляются подражатели. Правда, что ли, позвонить завтра в полицию?

Замучившись лежать без сна, подошла к окну, открыла его. Майская ночь пахла дождём и тополиными почками. По протянувшейся чуть поодаль дороге изредка проезжали машины, мелкая изморось дробила свет их фар, вытягивая его яркими красными и бело-жёлтыми лучами. Красиво. Холодноовато, правда, но зато так свежо и чисто! Шагнуть бы на эту свежесть, захлебнуться восторгом... И взлететь!

На подоконник снаружи невесомо скользнула тень. Полина улыбнулась, приложила к сетке ладонь:

– Дурак ты, Бублик, допрыгаешься как-нибудь. – Черный кот с забавным пятном-колечком на морде, потянулся носом, принялся. – Что, тоже не спится?

Этот кот любил её окно и всё норовил пробраться и в квартиру. Как его звали на самом деле, Полина не знала, как и того, где он жил. Но понятно, что где-то на девятом, потому что по периметру всего дома, как раз на стыке с восьмым этажом, тянулся карниз сантиметров пятнадцать в ширину. Среди жильцов почему-то считалось, что он привлекает воров с крыши, поэтому все они поголовно ставили на окна решётки. Полина же решила, что если ты случайно не дурной кот, то устоять на таком карнизе не реально – на такой-то высоте! Поэтому, первым же делом, как въехали в квартиру и затеяли ремонт, уговорила Марка снять решётки.

Бублик, убедившись, что Полина настроена мирно, поднялся на задние лапы и вдруг шустро полез по москитной сетке вверх. Затрещал, разрываясь под его когтями, многострадальный пластик.

– Кш! – зашипела Полина. – Ну-ка, пошёл! Пошёл, отсюда, нахал! Кш!

Он сбежал, и сразу стало тихо и одиноко, но откуда-то едва уловимо потянуло табаком. Полина улыбнулась – ещё какой-то полуночник нарисовался. Стоит сейчас, как и она, у окна,

смотрит на огоньки далёких фар внизу и о чём-то думает. Может, его тоже что-то гложет, а может, он, как и она, хотел бы взлететь...

А дым из лёгкого шлейфа превратился вдруг в густое облако. Вот ещё небывалое! Откуда это, интересно? Снизу? Полина поморщилась и, с сожалением закрыв окно, вернулась в постель.

Глава 5

Руслан проснулся как-то вдруг. Лежал, вглядываясь в темноту, и всё не мог понять, где он и что это гудит, отдаваясь вибрацией в спину. Водка с красным перцем работала – горло драло чуть меньше, чем вчера, но всё равно, ощущение, словно битого стекла нажрался.

Наконец узнал звук – лифт. Мысли тут же заметались... И замерли. Вспомнил.

Мамина квартира. *Его* квартира.

Вынув из-под головы затёкшую руку, повернулся на бок. Где-то в недрах дивана дзенькнула слетевшая пружина, и запах старости и пыли, мгновенно став гуще, наотмашь вонзился в душу. Или в совесть – что там, обычно, у нормальных людей в груди на уровне сердца болит?

Сел, растёр ладонями лицо. Зашипел, задев ссадину на переносице. Глянул на светящийся циферблат на запястье – третий час. Нехило, прилёг. Почти на двенадцать часов. Да ещё и как был – в ботинках и куртке.

Подсвечивая телефоном, нашёл выключатель, щёлкнул – ничего. Вышел в коридор, щёлкнул – ничего. Оказалось, пробки в счётчике, не автоматы, а именно пробки – керамические, допотопные – подвыкручены. Довернул на место, и свет тут же вспыхнул. На кухне весело затарахтел холодильник «Минск». Руслан его почти новым брал, с рук, ещё в девяносто седьмом. Незадолго до.

Стоял в коридоре, словно на распутье, смотрел на покрывший всё вокруг слой пыли, на паутину, на лопнувшие, отстающие от стен обои. На мамин плащ, одиноко висящий на вешалке у входа, и стоящие под ним растоптанные старушечьи туфли... И не понимал что теперь. Думал, ведь, это будет легко. Думал – давно отболело и зачерствело. А оно вон как, оказывается. Всё равно по живому.

В зале вся стена над диваном оказалась завешана фотографиями: он и Алинка, сестра. Алинки больше – и детские, и взрослые, а Руслан в основном только школьник. Или вот ещё, дембельская: краповый берет, значки, аксельбанты... Рожа светится от гордости, грудь колесом – того и гляди, лопнет. А призвался бы на полгода позже, была бы ему вместо дембеля первая Чеченская – первой очередью и пошёл бы, как многие. А так – везунчик.

А может, и не везунчик. Может, лучше бы посмертно, но героем, чем так.

Побежал взглядом дальше и неожиданно словно споткнулся об фотку в рамочке. Подошёл ближе.

Он и Иринка. Молодые, красивые. Счастливые. Сейчас ещё парочку кадров – и к гостям, в ресторан при Интуристе. Через два дня Руслан купит холодильник «Минск», ещё через неделю – телевизор «SONY». А пока они, сцепив руки, хвастаются на камеру обручальными кольцами и думают, что это навсегда.

Идиоты.

Порвал фотку, пошёл по квартире дальше. В спальне долго стоял перед трельяжем, глотал колючий ком в горле. Подбирал слова. И не нашёл ничего, кроме:

– Привет, мам...

На этом, вставленном между зеркалами фото она была молодая, всего на два года старше, чем он сейчас. И радостная, потому что уже знает, что беременна от любимого мужчины. Ну и что, что сорок пять – это, вроде как, поздно рожать? Ну и что, что мужчина тот безнадежно женат? Она любила его и вроде была счастлива, хотя иногда, когда Руслан заставлял её на кухне заплаканной, прижимала к груди его голову и повторяла шёпотом, как заклинание: «Так нельзя любить, сыночек... Так нельзя любить... Это хуже рабства. Так нельзя...» Позже Руслан понял – она всё надеялась, что отец разведётся, но он так и не решился.

Зато с сыном проводил столько времени, сколько не каждый законный отец мог.

Руслан, сын диспетчерши автопарка, можно сказать, рос у неё на работе, а точнее у отца – в гаражах того же парка, среди пропитанных маслом железок, инструмента, выхлопных газов, запахов солярки и резины. Среди автослесарей и механиков. Среди домино, сушёной тараньки, самокруток, а, иногда, и водки с пивом. Среди левых заказов от частников, золотых рук мастеров, их гениальных идей и дельных советов растущему на их глазах «Руслану Батьковичу»...

Задумчиво вернул фото на место.

Она возлагала на Руслана столько надежд и ждала до последнего. А он, как последняя сволочь, отложил её на потом. Из-за бабы, которая ни одного мгновенья того не стоила. И уже не исправить. Вот такая жизнь, хрен ли там.

Оконные рамы были деревянные, до сих пор заклеенные по периметру бумажками. Руслан рванул их, распахивая, и в это же мгновение под потолком взорвалась единственная лампочка.

Сколько он простоял вот так – сунув руки в карманы и глядя то на тёмное зарешёченное небо, то на сонные отблески фар, скользящие по дороге вниз? Долго. Сначала по привычке фильтровал огни: ауди, фольц, пятнаха... А потом мысли побежали сами по себе: по холодной сырой лесополосе, в которой очнулся неделю назад побитый и полуголый; по босым ногам, отмеряющим километры стылрой ночной трассы; по самоуверенным ромам Бодряковских дегенератов; и по единственному на тот момент злому страху, что пока он тут бредёт в ночи в сторону города, от его сервиса может остаться лишь пепелище...

Задумчиво потёр подбородок. А ведь, пожалуй, нет смысла противиться Мансуровой крыше. Оно, ведь, что Мансёр, что Бодряков – по большому счёту, одного поля ягоды. Разница лишь в том, что Мансур львиную долю оборота проводит легально, через салоны, а Бодряк наоборот – легалкой только прикрывается. Но и тому и другому нужны специалисты, а Руслан спец, чего уж там скромничать. И тут уже есть о чём торговаться, хотя по-хорошему – на хрен бы их обоих. Не верь, не бойся, не проси. Заповеди.

Но если всё-таки выбирать – то Мансур, однозначно. Он хотя и татарин, но давно обрусевший, с ним можно крепкий базар держать. А Бодряков, хотя и русский, но та ещё гнида, с ним и срать на одном гектаре стрёмно, не то, что дела делать.

Закурил, взялся за прутья решётки, тряхнул изо всех сил. Даже не качнулась. Похоже, единственное в этой квартире, что ещё не сгнило – это она. Охренеть, как символично.

Простуженное горло не просто драло, казалось, оно облазит кровавыми лоскутами, и от дыма становилось только хуже, но он всё равно курил – привычка, куда от неё... И как-то не к месту, вспомнил вдруг девчонку из лифта: перепуганные голубые глазищи и размётанные по плечам волосы. Блондиночка, это хорошо! Правда, злая – это плохо.

Злых женщин Руслан не любил, а ещё – баб с яйцами и стерв. Особенно последних. Но его руки до сих пор помнили запястья этой дикой – невесомые, хрупкие и, несмотря на злость, покорные. Удивительное сочетание. Такие надо не выкручивать за спину в вонючем лифте, а страстно вжимать над белокурой головкой в шёлковые простыни. У блондинок с такими запястьями и шёпот, должно быть, ласковый, и стоны сладкие...

И тут вдруг вспомнил это её «посажу за изнасилование!», и дебильная симпатия мгновенно обернулась бешенством.

– С-с-сучка... – стиснув зубы, зло затушил окурок об подоконник. – Попадись мне ещё.

Глава 6

Поздним вечером в пятницу Марк вдруг заявил, что завтра не сможет взять с собой к маме Марусю. И не успела ещё Полина отреагировать, как сходу завёлся:

– Это у тебя всегда всё просто! А посмотрел бы я, как ты на моём месте запела бы! Тебе позволить, так ты вообще всё на меня взвалишь!

– погоди... Ты вообще-то сам вызвался взять её с собой, я не просила! И это ты говорил, что маме важно, чтобы эта тётя, или кто она там, увидела твою семью. Ну? Меня на фотке покажешь, подумаешь важность, а сами лично приедете.

– Ну да! Мало того, что мне за тебя там оправдываться, так ещё и с ребёнком таскаться? Короче, я еду один. Давай, погладь мне синюю рубашку и джинсы.

– Я уже приготовила серую. Ту, которую тебе мама подарила. Думаю, ей будет приятно, что ты в ней ходишь?

Марк треснул кулаком по столу:

– Почему на каждую мою просьбу, вечно тысяча отмазок? Ты, случайно, не забыла, в чём доме живёшь?

Резко вскочил, но оступился на покалеченную ногу и его занесло. Полина бросилась вперёд, успела подставить плечо, подала костыль. Марк зло схватил его и, наотмашь лупанув её по голени, грубо отпихнул и вышел из комнаты.

Полина даже не ойкнула, только поджала ногу и зажмурилась, но слёзы всё равно потекли.

О том, что в последние годы муж иногда стал поднимать на неё руку – пощёчина или подзатыльник, или пихнуть со злостью, не знал вообще никто, даже Светка, и тем более бабушка. Как и о том, что с самого начала в постели он любил иногда слегка придушить или укусить. Или отшлёпать в запале страсти по ягодцам, так что на коже оставались сизые отпечатки-ладони. Поначалу, в медовую пору их отношений, это было редко и не сильно – скорее, как пикантная шалость. К тому же, тогда у Полины было право голоса – настроена ли она на эти игрища и где граница, за которой стоп. Но после травмы всё резко изменилось. Марка словно сорвало с привязи и понесло.

Полина пыталась с ним говорить, объяснять, что ей это неприятно и обидно и, в конце-то концов, больно! А он тут же принимал всё на счёт своей инвалидности, раздражался. Становился ещё злее и... несчастнее. Именно несчастнее, Полина чувствовала это. Искала выход. Предлагала ему найти психолога, но Марк только замыкался в себе и повторял что он не псих, что сам справится, просто ему нужно время и её поддержка. И Полина старалась поддерживать, а Марк – сдерживаться. Но получалось, увы, не всегда.

Поставив гладильную доску, разложила синюю рубашку, провела по ней рукой. И всё равно серая лучше, потому что ткань натуральная, а эта – голая синтетика, хотя цвет красивый, конечно. Но вот приедет Марк в ней, а свекровь посмотрит и сделает вывод, что Полина плохая хозяйка, одевает мужа во что ни попадя. И как его вообще угораздило её купить? Зачем? И, главное, сам! А говорит – никуда не выходит.

Сморгнув пелену слёз, задумчиво опустила утюг, и тут же рванула его вверх, но поздно – на левой полочке зияла дыра.

– Чем у тебя тут воняет? – входя в комнату, скривился Марк.

Полина стянула рубашку с доски, прижала к груди:

– Марк... Это случайно, я не хотела...

Голова пухла от информации, по большей части, увы, бесполезной. Сидя на кухне и уже не рассасывая, а бездумно сгрызая один за другим леденцы от горла, Руслан сёрфил Геленд-

вагеновские форумы и изредка отправлял некоторые страницы в закладки, но в целом, убеждался, что если что – работать придётся на общей практике и интуиции. Впрочем, проблема была не в этом – железо оно и есть железо. Больше напрягала срочность и секретность. Это наводило на мысль, что по «перевёртышу»¹ который едет из Европы, Мансур собирается легализовать вовсе не тот «конструктор»², который недавно показывал, а наподобие, но напильный из какого-нибудь свежугнанного «Гелика»³. Новенького, конечно. И только от расторопности и умелости Руслана и его команды зависит, найдут ли когда-нибудь свою тачку хозяева. А искать будут, точно. Простые ребята на телегах за десять лямов не ездят, а непростые сильно не любят, когда их вещи берут без спроса. Так-то Руслан, конечно, сошка мелкая, но как показывает жизнь – виноват всегда стрелочник...

В подъезде гулко гроыхнуло, и мужской голос заорал что-то матерное. Руслан поднял взгляд от ноута. Зашибись. Не только лифт по мозгам ездит, но и соседи буйные. В пристройке над сервисом спокойнее, конечно.

Мужик в подъезде опять заорал, и тут же коротким испуганным воплем взметнулся женский крик. Руслан снова оторвался от ноута, прислушался. Вообще, не его, конечно, дело, да и бабы бывают такие, что не грех и поучить, уж это он знал наверняка... Но женщина снова вскрикнула, и Руслана словно что-то толкнуло. Вышел в коридор, глянул в глазок.

Свет горел на восьмом этаже, пробиваясь на площадку девятого лишь мутным сиянием далеко слева, у лестничного пролёта, поэтому Руслан видел только неясные силуэты прямо возле своей двери. Двое. Мужик довольно агрессивно пытается завести в квартиру женщину, а она сопротивляется.

Руслан в сомнении коснулся дверной ручки – вмешаться? Так-то дураку понятно, что чужая семья потёмки, и милые бранятся – только тешатся, да и светиться на этой хате ему не хотелось... Но слишком уж часто он слышал правдивые истории о том, что такое бытовуха по сто пятой⁴, и как легко переступается грань *до* и *после*...

А в это время женщина всё-таки сдалась. Соседская дверь открылась, мужская спина озарилась на мгновенье светом из квартиры, и всё стихло.

Руслан оторвался от глазка, постоял, растерянно обдумывая произошедшее. Усмехнулся. Дожился, Подольский – за соседями шпионить! Одичал, что ли, на железках своих? Забыл, как нормальные люди живут?

Удивлённо, словно только что очнулся в незнакомом месте, повёл взглядом по стенам, по потолку и старому линолеуму и, вдруг подцепив свисающий край обоевого полотна, рванул его вниз...

Минут через пять ободрал весь коридор. Обои слетали с бетонных панелей легко, словно только этого и ждали, в воздухе повисла взвесь пыли и побелки. А Руслан, давясь кашлем, уже обдирает зал.

Бог его знает, почему именно сейчас, но он вдруг осознал, что это не просто хата перекаптоваться, а его угол, который он, тогда совсем ещё молодой дурак, купил на свои, пусть и не всегда законные, но честно отработанные бабки. Куда жену молодую привёл, пусть и ненадолго. И где все эти годы его ждала мать. И пусть она так и не дождалась, но он всё равно вернулся и теперь просто обязан сделать то, что обещал ей в письмах. А уже потом в расход.

¹ *Перевёртыши* – машина, побывавшая в сильном ДТП, часто не подлежащая восстановлению. Покупается по цене металлолома ради документов.

² *Конструктор* – в данном случае полностью разобранный на части автомобиль или его уцелевшие в ДТП части, или отдельные части двух, трёх и больше авто в одном «конструкторе», так же купленные по цене металлолома – без документов и растаможивания. Из такого конструктора потом собирается полноценный автомобиль, который легализуется по документам «перевёртыша» и продаётся по полной стоимости хорошего авто. Подобная схема позволяет не только перепродавать металлолом по цене машины, но и легализовать угнанные авто.

³ *Гелик* (жаргон от Гелендваген) – Mercedes-Benz G-класса.

⁴ «*Бытовуха по сто пятой*» – Статья 105 УК РФ. Убийство.

Глава 7

Ещё вчера ночью, выпрашивая прощение после ссоры, Марк снова изъявил желание взять Марусю с собой к маме. Тоже самое, как заведённый, повторял и в субботу с утра, но Полина отказалась. Не желая ни видеть, ни слышать его, она просто быстро собрала сонную дочку и сбежала в салон.

Плотно обмотав больное запястье эластичным бинтом, сотворила-таки свадебный шедевр на голове клиентки. До следующей записи оставалось ещё почти полчаса. Подсела на диванчик к Маше, понаблюдала, с каким энтузиазмом та вырисовывает завитушки на боку единорога.

– Дочунь, творожок будешь?

Та, прикусив от старания язык, только мотнула головой.

– А в магазин со мной пойдёшь?

Маруся подняла взволнованный взгляд. Было видно, что и идти ей не хочется, и одной оставаться тоже. Полина успокаивающе улыбнулась:

– Можешь подождать меня здесь. Я недалеко, в аптеку, вон туда, – указала в окно на другой конец квартала, где, невидимый отсюда, стоял торговый павильон. – Или всё-таки вместе?

– Тут посижу, – решила Маруся.

– Точно?

Она кивнула. И Полина знала, что посидит – в салоне Маша чувствовала себя как дома, и уже, бывало, оставалась здесь ненадолго одна. А уж сейчас, когда у неё есть фломастеры с блёстками и раскраска с принцессами – и подавно!

– Хорошо, котик. Купить тебе гематогенку?

– Круглые витаминки!

– Договорились, – рассмеялась Полина. – Закрой за мной и никому не открывай, а я приду и в окошко тебе постучу, ладно?

Оно бы, конечно, закрыть её снаружи, но система охраны была дурацкая и включалась автоматически при запираании двери с улицы, одновременно активизируя и датчики движения внутри. Поэтому Полина просто проследила, чтобы Маруся закрылась, помахала ей на прощание в окошко и поспешила в аптеку: к утру на ушибленной голени расплзлась большая гематома. Синяк чернел буквально на глазах и жутко болел.

В конце соседнего дома, неподалёку от мусорки, стояла беленькая, сияющая новизной иномарка, а возле неё топтался мужик. Хотя и со спины, но Полина его сразу же узнала. Застыла как вкопанная. А он вдруг тоже замер, настороженно повёл головой, оборачиваясь...

Полина шарахнулась за растущие рядом кусты, и, держась за ними, дала дёру.

Ворвалась в аптеку, сходу потребовала что-нибудь от гематом. Фармацевт нехотя отвлеклась от телефонного разговора и полезла искать. Полинины нервы были на пределе, так и казалось, что сейчас в павильон войдёт тот мужик. Она даже чуть не забыла глюкозу с аскорбинкой для Маруси!

Обратно на всякий случай шла обходными путями. А когда, вывернув из-за угла соседнего дома, зашла во двор, услышала крик. Сердце оборвалось – Маруськин голос она узнала бы из миллиона! И орала та где-то совсем рядом, на улице!

Утром, вытаскивая ободранные обои и всякий хлам с антресолей на мусорку, Руслан спалился перед соседкой, той, что слева, крайняя от лестничного пролёта. Он хорошо её помнил – хотя и минула без малого двадцатка, тётка почти не изменилась, разве что постарела. А в остальном, такая же вездесущая крыса. Всё равно выследила бы. Ремонт, это ведь не то, что перекантоваться – по-тихому не получится.

Когда отнёс к лифту первый тюк, услышал, как осторожно щёлкнул замок соседкиной двери, но вида не подал. Вынес второй тюк. Снова ушёл. Глянул в глазок – крыса, выбравшись из норки, уже осторожно оглядывала мусор. Усмехнулся. Это же просто атас! Назад в будущее, называется. Как там её... тётя Валя. Активистка всяя подъезда. Материна кровопийца и первая сплетница на районе.

Не отрываясь от глазка, нарочито медленно повернул дверную ручку. Бабка заметалась.

– Здрасти, тётя Валь, – прохрипел он, выходя в подъезд. – Как ваше ничего?

Она наигранно вздрогнула «от неожиданности». Глазки-буравчики цепко зашныряли по его лицу, задерживаясь на ссадинах, но сама молчала.

– Не угадали? Руслан я. Подольский.

– А-а-а, да-да-да! – обрадованно закудаhtала соседка, так, что, не помни Руслан её сучью натуру, мог бы подумать, что она ему рада. – Не признала сразу, богатый будешь! А ты, стало быть, всё-таки вернулся?

– Откуда, тётя Валь?

– Ту так... С севера? – то ли спросила, то ли сообщила. – А что с голосом-то у тебя?

– Так с севера же. Простыл.

– А-а-а! Так надо полечиться! Мёд с молоком хорошо помогает.

– Я уж лучше водки с перцем, тётя Валь. Сразу и лечение и анестезия. – Подхватил тюки. – До свидания!

– До свидания, до свидания... А ты вообще это, надолго к нам?

К нам. Руслан усмехнулся, но не ответил. Всю дорогу до первого этажа пытался сглотнуть чёртово битое стекло в горле и вспоминал, как из письма в письмо жаловалась на соседку мать. По какому поводу были их контры, он толком уже не помнил, да и не вникал никогда – то лампочки какие-то подъездные, то очерёдность дежурства по этажу, то мать без спросу букет сирени с куста перед подъездом срезала, то у соседки тапки от порога пропали – возня, короче. Но он очень хорошо помнил, как обещал матери, что скоро вернётся и поставит соседку на место. Вернулся. Только кому теперь нужны эти разборки? Ему так точно нет.

На парковке возле мусорных баков наткнулся на малышку Mercedes-Benz S-Class. Рестайлинг шестого поколения. Новьё, вот только в минувшем феврале впервые засветилась на автосалоне в Шанхае. Кто бы мог подумать, что в их дыре такие могут появиться так скоро. Не удержался, покружил около, поразглядывал.

Заметил аптеку в конце квартала, дошёл, взял леденцов от горла. На обратном пути снова потоптался возле тачки. Так-то, по сравнению с пятым поколением, наружка особо не изменилась: ну, малёха бампер, ну окантовка выхлопных... Решётка радиатора слегонца... Из реально интересного – разве что опциональные LED-фары, посмотреть бы их в деле... А с салоном что? Попытался заглянуть внутрь, но стёкла зеркалили небо и...

Что-то вдруг заставило его замереть. Осторожно осмотрелся – вроде никого. Но не послушаться чуйку, это последнее дело, поэтому отошёл от тачки от греха подальше. По пути к дому набрал СМС:

«Здоров, Виталь! Срочный заказ возьмёшь?»

«Здоров, Рус. Насколько срочный?»

«Ещё позавчера»

«Понял. Давай адрес, Артёма пришлю в течение часа»

Отлично. Считай, полдела сделано. Потом позвонил Владу, дал добро открыть сервис. Предупредил, чтобы ни с Мансуром, ни с Бодряком бесед не беседовали, сразу слали их лесом. В смысле – к самому Руслану. Обещал, что и сам появиться на днях.

Проходя мимо одного из подъездов, обратил внимание на свеженаклеенное, похожее на ориентировку объявление на двери. Из любопытства подошёл. Оказалось, фоторобот говёного

качества и текст: «Внимание, розыск!», ну и дальше – по шаблону. Ловили маньяка-наильника по прозвищу «лифтёр»...

Задумчиво поскрёб трёхнедельную щетину. Ну... Тогда ладно. Хотя, всё равно, «посажу за изнасилование!», да ещё так это играючи, как за не хрен делать – это перебор. Стерва. Интересно, с какого этажа?

И в этот момент услышал истошный детский крик.

Полина налетела на мужика, сходу несколько раз треснула его сумочкой по голове и, пока он, обалдев от неожиданности, уворачивался от ударов, вырвала из его рук Марусю. А та, увидев маму, заревела с удвоенной силой.

Ох, как Полина была зла! Как она орала на этого чёртова гада! И цепко удерживая дочь одной рукой, второй пыталась нашить в сумке телефон:

– Всё, я в полицию звоню! Я... Да я...

– Да всё нормально, не кипеши! – прохрипел мужик, примирительно поднимая ладони.

– Я предупреждала! – орала Полина. – Я говорила!.. Я...

– Полин, привет! – окликнули её сзади.

Она машинально обернулась. От парковки напротив салона ей махала рукой очередная клиентка. Снова резко повернулась к мужику, а он, так же держа открытые ладони перед собой, отступал:

– Чш-ш... Всё нормально. Я ушёл... Лады?

Пока стригла, всё поглядывала на совершенно успокоившуюся Марусю и разрывалась от сомнений. С одной стороны, ещё тогда, после лифта, надо было послушаться тётю Валю и заявить в полицию, а с другой – ну вот даже сейчас, что она им скажет?

Когда клиентка ушла, усадила Марусю к себе на колени, обняла.

– Солнышко, ты зачем дяде дверь открыла? Это он тебя попросил?

– Я не дяде, мамочка, я к тебе пошла! За витаминками!

– Сама?

Маруся кивнула. Полина прижала её к себе ещё крепче. Ну что, кто тут виноват-то? Сама и виновата, не надо было ребёнка одного оставлять.

– Машенька, солнышко, а этот дядя... Он что тебе сделал?

– На ручки взял, – беззаботно ответила Маша и, выбравшись из Полининых объятий, прильнула к аквариуму: – Мамочка, смотри, рыбка кушать хочет! Давай, дадим ей червячков?

Полина заставила себя улыбнуться.

– Конечно, дадим... Солнышко, а когда дядя тебя на ручки взял, он что-нибудь говорил?

– Ну да, – кивнула Маруся, – говорил: «Не плачь, малышка»

– А ещё?

– Спрашивал, где моя мамочка.

– И всё? А может, он тебя куда-то звал? Например, обещал, что ко мне отведёт? Нет? А котёночка показать или игрушку подарить не обещал? Конфетку дать?

Маша всё отрицала.

– Солнышко, а почему ты тогда плакала? Дядя тебя испугал?

Маруся задумалась на мгновение, и глазки её вдруг округлились, словно она только что вспомнила что-то ужасное:

– Собачка плохая! – жалостливо надула губы: – Она меня укусить хотела... Тут! – ткнула пальцем себе в ногу. – И тут! – в плечо. – И тут! – в голову. – Плохая собачка!

– Какая ещё собачка? Дядина? У дяди была собачка?

– Нет, – мотнула Маша головой, – ничейная собачка! А дядя её прогнал!

Глава 8

В начале третьего в салон заявила Светка.

– Какие люди! А как же личная жизнь? – беззлобно подколола её Полина, на что Светлана фыркнула:

– Да кто бы говорил! – и надулась.

В молчанку играли почти до пяти, впрочем обстановка не угнетала – во-первых, вспышки дурного настроения водились за Светкой и раньше, а во-вторых, к Полине плотно, один за другим, шли по записи. Ну и, конечно, не отнять того, что со Светкиным появлением прибодрилась заскучавшая-было Маруська. Она даже уболтала тётю Свету сходить на качели.

Около шести вечера Полина подумала, что надо бы позвонить мужу, узнать вернулся ли, да и как вообще дела... Но не стала. По-прежнему не хотелось ни видеть его, ни слышать. Да и домой, если честно, не хотелось.

– У тебя много ещё? – маясь от безделья, зевнула Светка. – А то, давай, может, коррекцию тебе сделаю?

– Ещё один, и я вся твоя! – с готовностью отозвалась Полина, а потом посмотрела на тоскливое лицо подруги, и всё-таки не выдержала: – Свет, ну а серьёзно, у тебя что-то случилось? Пупс чудит?

– Да ну его! Надо нового надо искать. Этот жмотить стал, да и надоел уже. Пройденный этап.

– А как же твои царские хоромы? Съезжать ведь придётся?

– Так я ж и говорю – надо сначала нового подыскать.

Минут через десять позвонил последний клиент и сказал, что застрял в пробке, поэтому сегодня уже не приедет.

– Ну вот, и у меня на сегодня всё, – положила Полина трубку.

– Отлично! – активизировалась Светка, расстала на столе перед собой салфетку. – Что-нибудь крышесносно-яркое забубеним, да?

– Ну да! Чтобы меня Марк из дома выг...

Звякнули колокольчики над входом, и в салон вошёл мужик. Тот, из лифта. Полина замолчала на полуслове. Он тоже замер. Светка же окинула его оценивающим взглядом и игриво повела плечами:

– Вы что-то хотели?

– Ну... – после короткой паузы прохрипел он, – мне бы подстричься. Можно у вас?

– Нет! – испуганно выкрикнула Полина.

Светка кинула на неё удивлённый взгляд через плечо, мужик его заметил. Небрежно сунул руки в карманы.

– Это почему ж?

Растерянность первых мгновений исчезла, и в его манерах сквозили теперь сила и своеобразие. Как тогда в лифте. Может, поэтому и Полину снова замкнуло.

– Я мужчин не стригу!

– Почему?

– Не умею!

– Ну, давайте я, – томно наматывая на палец локон, вклинилась в их схватку Светка.

Мужик оторвал, наконец, взгляд Полины, окинул им Светку, плотоядно усмехнулся.

– А ты, значит, умеешь?

– А то... – хихикнула Светка, и в этот момент дверь распахнулась, и в салон ворвался Полинин клиент. Тот, который отменил свой визит из-за пробки.

– Полин, привет! Ничего, что я всё-таки нагрязнел? Я, прикинь, прекрёсток проехал и по объездной рванул... Гнал как сумасшедший. Ничего? Не задержу тебя? – и, не дожидаясь ответа, ринулся к креслу, развернул его к себе. – Ой, а это кто у нас тут? Пустишь меня, малыш?

Маруся беспрекословно сползла с кресла, и, увидев, наконец, мужика из лифта, ткнула в его сторону пальцем и закричала:

– Мамочка, смотри, это тот дядя!

Полина готова была под землю провалиться, но вместо этого упрямо взяла себя в руки.

– Так, Маш, иди, пока, мультики посмотри. – Сунула ей планшет, затем решительно развернула кресло с клиентом к зеркалу. – Что делаем, Серёж?

– Как обычно, Полин! Ты же знаешь, я только у тебя стригусь.

Светка ворковала с мужиком. Намывала ему голову, словно эротический массаж делала, а потом с таким видом зарывалась пальцами в чистые, сильно отросшие волосы, что, казалось, ещё чуть-чуть, и верхом на него залезет...

ТЬФУ! Полине на это аж смотреть тошно было – казалось, глаза режет от концентрации феромонов. Мужик же в основном молчал и поглядывал через зеркало... на Полину.

А её, как назло, и саму так и тянуло на него глянуть! На свежесбрившийся волевой подбородок, который ещё сегодня утром был заросшим, как у бандита. На резко очерченный, хищный профиль и ссадины, придающие образу героической харизмы.

Держалась, как могла. Но стоило только отвлечься на мгновение и ослабить самоконтроль, как – опа! – и она, словно рыбка на крючок, тут же накалывалась на его цепкий прищур в зеркале. Злилась на себя. И предательски краснела.

После стрижки Светка всучила ему свою визитку, несколько раз сакцентировав на том, что сегодня вечером совершенно свободна.

– Нет, ты видела, какой мужик? – едва он вышел за дверь, она сразу же начала спешно собираться. – Надо брать, пока клюёт! Вот сто пудово позвонит сегодня. Хочешь, на бутылку шампусика поспорим?

Полина бросила взгляд на Марусю, убедилась, что та в наушниках.

– Свет, ты что, собралась с ним встречаться? Серьёзно?!

– А что не так, Щербакова? Ты нос своротила, а я с первого взгляда всё, что надо разглядела. Ну и всё, твой поезд уехал. Иди к своему благоверному, привет ему передавай. Прямо так и скажи – Светка, проشمандовка такая, нового хахалю подцепила, а я всё с тобой да с тобой!

– Всё разглядела?! А руки его видела?

– А то-о-о! Классные руки, большие и крепкие. Самое, что надо! Главное, что у него ботинки чистые, Полин! А маникюр – дело наживное, тебе ли не знать? Будет чем заняться на досуге, в перерывах между... – подёрнула бровями. – Ты вот на Марке своём зациклилась, а главного не понимаешь: все мужики разные, и нужны они тоже, для разного! Ты думаешь, мне мой Пупс для постели нужен? Да блин, ни разу! Мне баблишко его нравится! А этот – хоть и потрёпанный, но альфа самец чистой воды. Ты что реально не почувствовала, как от него сексом разит?

– Да наглостью от него разит и беспределом!

– А скулы его видела? И шрам этот на брови, мм... – не унималась Светка. – А подбородок? А нос? А ты знаешь, что по размеру носа можно определить, какой у мужика...

– Хватит! – сдавленно зашипела Полина. – Это тот мужик, Свет! ТОТ. Из лифта! Ты думаешь, я почему ему отказала? Думаешь, мне деньги не нужны?! Но подумай, чего он вообще тут кружит? Думаешь, случайно припёрся? Очнись, Свет!

– Ну коне-е-ечно! Зачем ещё до чертей обросший мужик может прийти в парикмахерскую, кроме как на нашу ненаглядную Щербакову полюбоваться, да? У тебя, дорогуша, крыша

едет от бытовухи! Ты просто забыла уже, что такое *нормальный* мужик! И в лифте он тебя не трогал, ты сама говорила, что первая начала! И объявления сегодня развесили с лифтьером, и это вообще ни разу не Руслан!

– Какой ещё Руслан?

– Здра-а-асти! Ты где была последние полчаса, на луне что ли? Ой, всё! – Светка махнула рукой и принялась суетливо переобуваться. – Вот этим ты от меня и отличаешься! Вместо того чтобы без оглядки брать то, что идёт, терзаешься совестью и допотопной моралью. А поэтому, знаешь что, не делай мне мозг, иди к своему Маркуше, утешь его печали! Чёт он у тебя нервный какой-то последнее время, мало даёшь, наверное. А я уж как-нибудь сама со своей жизнью разберусь, лады? Марусь! – она помахала рукой, привлекая внимание Маши, и когда та повернулась, послала ей серию воздушных поцелуйчиков: – Пока, моя принцесса! Пока-пока!

Глава 9

Ближе к девяти Полина всё-таки позвонила мужу, но нарвалась на свекровь. Оказалось, Марк забыл у неё телефон.

– Спустись вниз и встретить его возле подъезда! – сходу принялась распоряжаться Лидия Петровна. – Он выпил.

Полина беззвучно выругалась. Ну вот как с ней говорить? Объяснять, что ему нельзя? А сама она не знает?!

– Слышишь меня? Надо встретить!

– Что, всё так плохо? Даже до лифта сам не дойдёт?

– Нет, ну вы посмотрите на неё! – нараспев протянула «мама», и Полина даже представила, как она при этом закатила глаза. – Ты, может, ещё и проверить хочешь, дойдёт или нет?

Полина посмотрела на ныряющую в клубы пены Маруську, представила, сколько сейчас будет рёва...

– Прямо сейчас не могу, у меня Маша купается.

– Она уже большая, прекрасно посидит одна.

– Нет, не посидит! – вспылила Полина, и свекровь тут же бросила трубку.

Подыгрывая Маруськиным забавам, Полина попыталась обмануть саму себя, что всё нормально, но в душе...

...А если он и правда, сильно пьян и, не дай бог, свалится где-нибудь? Сломает что-нибудь, или голову разобьёт. Только этого ещё не хватало. Блин.

– Машунь, ну что, купалась?

– Не-е-е-ет!

Полина вздохнула и незаметно выдернула из стока пробку. И по закону подлости, именно в тот момент, когда вода окончательно убежала, появился Марк. Заглянул в ванную:

– А-а-а, привет, селёдка мокрая!

– Папа, я русалочка!

– Селёдка!

– Русалочка!

– Селёдка!

Маруся топнула ногой, глаза заблестели от обиды:

– Русалочка!

– Селёдка! – пьяно рассмеялся муж и добил: – Дохлая!

– Марк, прекрати! – не выдержала Полина.

Он окинул её мутным взглядом:

– Поду-у-умаешь. Тогда обе вы, селёдки дохлые! – и ушёл в комнату.

Полина замотала Марусю в полотенце, взяла на руки. Та уткнулась носиком ей в плечо, всхлипнула:

– Я русалочка...

– Ну конечно русалочка! Самая красивая и счастливая, да?

Маша кивнула, обняла Полину:

– И ты тоже, да, мамочка? Самая красивая и счастливая, да?

Едва успела переодеть Марусю в пижаму, как в дверь позвонили. Оказалось, тётя Валя. Без церемоний ворвалась в коридор, зашептала:

– Ну и что ты думаешь? Как я и говорила! Он это!

– Кто? – не поняла Полина.

– Подольский! Этот, – кивнула на стену смежную с соседней квартирой, – который на Севера-то подался! Ну! Вернулся. Сегодня выхожу, а он уже барахлишко-то материно на мусорку таскает. Явился – не запылился, ага! А рожа – что твой уголовник, небритый, как чёрт и весь побитый! Я ему – то, сё, как твои дела, как здоровье, как сам? Ну, по-хорошему так, по-соседски, ну ты ж меня знаешь, да? А он мне: Какое твоё дело, бабка! Представляешь?! Вот он всегда такой был! Мать-то с придурью, а он и вовсе! Семейка...

– Погодите... – Полина растерянно ткнула большим пальцем на стену: – Отсюда?

– А то откуда ж! Слушай, Полин... Вот ты б на него глянула да и сказала мне – тот или не тот, который тебя в лифте-то зажимал. Потому что если тот, то мне это не нравится! Нам тут такие соседи не нужны, правда же?

Полина, в шоке, промолчала.

– Ну вот, – приняла её замешательство за согласие тётя Валя. – Ты как его увидишь, сразу мне сообщи. А я на всякий случай ещё у Наталки поподробнее узнаю, на каких таких Северах он бывал. А то знаешь, Никитична могла одно говорить, а на самом деле... Больно уж мне рожа его не понравилась. Больно наглая. – И, уже уходя, задержалась на пороге: – Вот бы жену его где-нибудь найти. Вот она бы точно рассказала!

Когда Полина вернулась в комнату, Марк попросил её позвонить маме. Она набрала номер:

– Сам говори. Мне Маруську укладывать пора.

А когда, уложив, снова вошла в зал, муж уже поджидал:

– И как это понимать?!

– Что?

– Пароль, зачем поставила?

– А что такого? Все ставят, и я поставила. Не задумываясь даже. У тебя, хочешь сказать, нету?

– Причём тут я?

– Так, Марк, я не хочу ругаться. Ладно? Я устала.

– Интере-е-сно, и чем же ты таким занималась, что аж устала?

– Хреном груши околачивала, представляешь! – вспылила Полина. – Зачем ты вообще в мой телефон полез?

– Потому что звонок сорвался! Хотел перезвонить и не смог.

– О, боже... – Полина заново набрала номер. – Держи! – и вышла на кухню.

Но не прошло и минуты, как Марк пришёл следом.

– Ну, что и требовалось доказать! Кто такой этот Сергей любимый, который сегодня три раза тебе звонил?

– Во-первых, не любимый, а Любимцев, глаза протри, а во-вторых – мне вообще частенько клиенты звонят, представляешь?

– Значит, поговорить с левым мужиком ты находишь время, а мужу хоть раз за день набрать, на это времени нет, да?

– Ой, Марк...

Хотела протиснуться мимо, но он перекрыл проход:

– Полин, ну не дуйся, ну? – попытался притянуть её к себе, но она вывернулась. – Ну Полин... – пошёл следом за ней. – Ну прости. Я же говорил уже, замкнуло меня, я не хотел! Ну хочешь, меня тресни, – протянул ей бадик. – Ну малыш... – полез обниматься. – Я сегодня весь день как пришибленный, только о тебе и думал. У меня аж сердце тянет, как будто останавливается. Полин... Я тебя больше жизни люблю, ты же знаешь... Мне без тебя вообще ничего не надо. Вообще ничего, понимаешь?

– Марк, зачем ты так напился? Ты же знаешь, что тебе нельзя. Ну ты что, гангрену хочешь заработать? Или свалиться где-нибудь и вторую ногу сломать, чтоб уж в коляску сразу?

– Мне так нравится, когда ты за меня волнуешься, – крепко сжал он её. – Я очень боюсь потерять тебя, малыш. Очень.

– И поэтому напился?

– И поэтому тоже. А что мне ещё было там делать? Я сидел весь день, жрал, пил и думал о тебе. Всё. – Разя перегаром, потянулся с поцелуем: – Ну не злись, малыш...

Полина отвернулась.

– Марк, иди спать, а? Нет, ну правда, ты проспийся, а завтра поговорим. Хорошо?

Он отстранился, глянул на неё с укором:

– Что, противный? Думаешь, я не понимаю? Или в зеркало себя не вижу? Пузо, ряха... А что я сделаю, Полин? Ну разве это я виноват вот в этой херне? – жестом полным отчаяния указал на ногу. – Это что, моя идея была, идти на завод? Или я для себя деньгу зашибать хотел? Всё же сделал, как ты сказала, а теперь, получается, крайним остался?

– Не говори глупости, Марк. И иди спать! – выбралась Полина из его рук. – Завтра поговорим.

– А я вчера на бирже пятьдесят тысяч заработал! – вслед ей сообщил он.

Полина обернулась.

– Серьёзно?

– Угу. А ты думаешь, я дармоед? Думаешь, сижу там, в танчики играю и ни хрена не делаю? А я тебе давно говорил, что биржи – дело стоящее, только время нужно, чтобы в систему въехать. Ну и начальный капитал, конечно. Чем больше вложишь, тем проще отбить.

– Марк, так это же классно!

Он довольно улыбнулся:

– Ну-ка, где там у меня кошелёк...

– Да потом...

– Нет, сейчас! В конце концов, имею я право жене зарплату отдать или нет?

Неспешно, как-то даже торжественно, вынул пяти тысячные, раскрыл веером.

– Всё ради тебя, Полин! Ты только не бросай меня, ладно? Я же без тебя не смогу...

Когда вышла из ванной, Марк уже спал. Села на кухне, оставив лишь свет вытяжки над плитой, заварила чай. На душе было легко. Неожиданный эмоциональный подъём, от которого кровь бежала по телу так резво, что сна не было даже близко. Пятьдесят тысяч, это же, считай, и за аренду салона, и коммуналку оплатить, и даже отложить мужу на апгрейд компьютера получится. Или, лучше, пусть вложит их в акции, чтобы развиваться дальше? Да, лучше так.

Господи, да неужели же всё налаживается? После всего, что им пришлось вытерпеть?

В первый год после травмы Марка ломало особенно сильно, но Полина верила – он обязательно поймёт, что жизнь продолжается, ведь даже ногу удалось успешно реплантировать!

Вот только свекровь, вместо того, чтобы поддерживать, наоборот, подливала масла в огонь, постоянно подчёркивая, что Марк теперь неполноценный. Открыто обвиняла в случившемся сноху и словно бы даже торжествовала, что оказалась права на счёт глупости той Полининой идеи с заводом. Мол, говорила же я вам, что место Марка в районной администрации, а не в заводууправлении какой-то там деревообработки! Подумаешь, «Зам по дровам»! Что за убогость мышления вообще, променять карьеру на зарплату! А вот послушались бы «маму» – был бы он сейчас полноценным уважаемым человеком, чиновником, а не никому не нужным инвалидом!

Она словно вела с Полиной войну – не на жизнь, а на смерть, совершенно забывая при этом, что речь идёт о её сыне! Нет, Полина, конечно же, была благодарна ей за подаренную

им на свадьбу трёхкомнатную квартиру, но это же не значило, что свекровь стала хозяйкой их семьи!

Дошло ведь даже до того, что вскоре после травмы, несмотря на крошку-внучку, Лидия Петровна уговаривала сына развестись и выгнать Полину с Марусей к бабушке, обещая купить ему квартиру у моря и дать ежемесячное обеспечение.

Марк категорически отказался. На что любимая «мама» неожиданно присмирив, сказала: «Хорошо, тогда живите, как хотите. Но только и помощи от меня больше не ждите!» – и прекратила оплачивать сыну реабилитацию. Благо, на тот момент самый острый период уже был пройден. Полина же была настолько благодарна ему за верность, что с удовольствием взяла заботу о нём и дочери на себя.

Уют, моральная поддержка, хороший секс и возможность самореализации – вот что она постаралась ему дать. Создала для него все условия, вплоть до покупки самого продвинутого компьютера в кредит, чтобы муж мог осваивать удалённые профессии: программиста, или какого-нибудь администратора сайта, или что угодно ещё – на его выбор! Нужны обучающие курсы – пожалуйста! Нужно дополнительное оборудование – как скажешь! Даже свекровь, видя, как выёлся над его сыночком Полина, наконец успокоилась и признала её за сноху.

И кто бы знал, чего это всё стоило самой Полине! Почти пять лет жизни, из которых она могла вспомнить только работу и ежемесячный стресс, когда после оплаты всех счетов оказывалось, что надо снова пахать, пахать и пахать... для того, чтобы было чем оплатить счета в следующем месяце. Замкнутый круг. Она даже не помнила толком, как сделала первые шаги и сказала первые слова Маруся.

И вот, наконец, просвет! И ведь Полина знала, знала, что всё наладится! Чувствовала!

По пути к спальне заметила, что Марк не выключил комп. Пошевелила мышку, увидела на рабочем столе каскад полураскрытых окон – там и игра, и какие-то сайты. И окно соцсети, открытое прямо в диалоге с некоей Малышкой ЛиЛу.

На аватарке – тётка с голой грудью, в полумаске и ошейнике. А переписка...

Внутри у Полины всё задрожало. В переписке, которая продолжалась уже целых три года, Марк во всех подробностях рассказывал Малышке, как и в кой позе он будет её иметь и регулярно отправлял фото своего эрегированного члена, а иногда и видео. В ответ она тоже присылала ему интимные фоточки и видео. И фантазии, как хочет, чтобы он её...

Сколько Полина так сидела? Оглушённая. В ступоре. Не понимая, что дальше. Одно знала точно – в одну постель с ним не ляжет.

Будто зомби прошла в спальню, забрала свои подушку и одеяло. Марк храпел, раскинувшись на спине, в контражуре окна возвышался его действительно сильно округлившийся за эти годы живот. Как беременный. Странно, почему Полина раньше не обращала на это внимания?

И вдруг мяуканье. Она глянула на окно, ожидая увидеть Бублика, но оно было закрыто, да и подоконник пуст. Снова звук. И нет, это не мяуканье. Стон. Точно! И ещё. Тягучий, грудной. Сладострастный. И крик. И ещё... По нарастающей.

Полина, не веря своим ушам, повернулась к стене, за которой ни разу за все годы, что они здесь живут, не раздалось вообще ни одного звука, а теперь такое... Сначала подумала фильм. Но потом поняла – нет. В живую. Сразу же вспомнился и мужик, оказавшийся соседом, и Светка, готовая поспорить, что сегодня он ей точно позвонит...

А потом Полина сделала что-то совсем уж странное – затаив дыхание, воровато прижалась к стене ухом...

Глава 10

– Это не то, о чём ты подумала! Вообще не то!

Марк ходил за Полиной по пятам, а она словно бегала от него – с половой тряпкой и веником, и, кажется, уже по третьему кругу пошла намывать квартиру, лишь бы не останавливаться и не начать вслушиваться в этот бред.

– Это просто переписка. Вообще ничего не значит! Ну да, фотка члена. Рука, нога, ухо, член – какая разница-то? Тело и есть тело.

– И видео.

– Да, видео! А что такого? Я, в конце концов, мужик всё-таки! Мне, может, мало того, что даёшь ты! Приходится, знаешь ли, обходиться своими силами! И вообще, это тебе стыдно должно быть, а не мне!

Полину словно ударили. Выпрямилась, угрожающе сложила тряпку пополам... Но так ничего и не ответила. Всё-таки Светка права. Чтобы тебя уважали и ценили, надо быть стервой.

– У мужчин вообще полигамия заложена на генном уровне, а я только с тобой! – не унимался Марк. – Ценить должна бы, а не истерики закатывать!

– То есть, я ещё и виновата?

– А кто? Недодала, раз мужику мало!

Она резко развернулась к нему.

– А скажи-ка мне всё-таки, – с трудом сдерживая дрожь в руках, упёрла их в бока, – что ты делал тогда в цеху? Ну, когда тебе ногу отрезало? Тоже добирал то, чего не смогла дать жена с полугодовым ребёнком на руках?

Марк замер, во взгляде проглянула ярость.

– Так значит, да? Решила по самому больному?

– Ага! По самому, Марк! Тогда ты отмахнулся, выставив меня виноватой – и за травму, и за то, что я в такой момент думаю о ерунде, но теперь-то, думаю, можно? Ну? Кто была та баба, которая выбежала звать на помощь, натягивая на голые сиськи кофточку?

– Да не было такого! Откуда ты вообще это взяла?

– А представь себе, когда с грудным ребёнком на руках пороги в заводоуправлении вашем околачивала, добиваясь, чтобы тебе всё-таки выплатили страховку, несмотря на то, что ты нарушил технику безопасности, припёршись в цех, где тебя быть не должно, и травму получил в нерабочее время! Вот тогда, сидела как-то в приёмной генерального, а секретарша его, которая даже не соизволила спросить, кто я и по какому вопросу пришла, по телефону рассказывала подружке ужасный случай на производстве. Во всех подробностях. И мне, поверь, было о-о-очень интересно их услышать!

– Фу, блин, да Наташка эта, та ещё стерва, без сплетен как без воздуха!

– Кто. Была. Эта. Баба?

– Да кладовщица! – заорал Марк, мгновенно подавляя в Полине решимость и нагнетая острый страх, что ругань слышит Маруся. – Кладовщица! Старая и страшная. А не веришь, езжай на завод и всё узнай! Давай, давай! Припозорься там сама и меня припозорь! Давай! Мало того, что я из-за тебя ноги лишился, так ещё и это теперь терпеть должен. Пять лет спустя! Ты вообще понимаешь, что у тебя с башкой проблемы?! У тебя как у бабки твоей, паранойя развивается! Осталось только полсотни котов развести.

– Заткнись! – сдавленно выкрикнула Полина и, швырнув в него тряпкой, кинулась в детскую. Спрятаться. Успокоиться.

Но отсидеться не удалось. Не прошло и получаса, как заявила «мама». Вернув Марку забытый телефон, пошла по комнатам – придирчиво осматривая каждый уголок. Благо, что вёдра-тряпки Полина так и не успела убрать, и можно было смело ссылаться на уборку.

– ...А денег тебе постоянно не хватает потому, что ты отвратительная хозяйка, уж извини, – ни с того ни с сего развела свекровь руками, словно продолжая давний разговор. – Можно работать и сутками напролёт, и совершенно забыть о семейных обязанностях, причём не только как матери, но и жены! А в результате так и продолжать вязнуть в бесконечных долгах. Я не знаю, почему бабушка не научила тебя элементарным вещам – экономии и благодарности. Может, у вас, там, в деревне, и так сойдёт – а в городе нет! И, похоже, твоим воспитанием всё-таки придётся заняться мне. И тебе придётся прислушаться, потому что я тоже, знаешь ли, не семижилка, терпеть это потребительское отношение! Тем более что ты обнаглела настолько, что даже перестала принимать людей, которых я к тебе присылаю! А среди них, заметь, есть очень полезные и влиятельные экземпляры! Не уважаешь их? Значит, не уважаешь и меня! И очень зря!

– Просто у меня всё расписано, а они приезжают, когда хотят. Я вынуждена принимать сначала тех, кто платит, а ваши люди не желают ждать и уезжают, – смутилась под её напором Полина. – А потом ещё и жалуются...

– Вот-вот, – кивнула свекровь. – Вот я и говорю, обнаглела ты! Много на себя берёшь! Значит так, со следующего месяца начнёшь вести тетрадь расходов. Я хочу видеть, куда ты тратишь деньги.

– А чеки надо будет собирать? – осторожно съязвила Полина. – И что делать с оптовкой, там ведь дешевле, чем в магазине, но частники в основном с машин торгуют, без бумажек. И сколько у меня будет на личные расходы – на прокладки, там, например? И можно ли будет покупать Машке конфеты? И сколько? И почём?

– Если скажу собирать чеки, будешь и их собирать, – ядовито, но вежливо улыбнулась свекровь. – А если решу, что мне нужно вмешаться и начну расписывать тебе статьи расходов, значит, будешь им следовать. Мы с Марком, знаешь ли, не богадельня, чтобы сирых и убогих приживать. Тем более что ты этого и не ценишь...

После того, как она наконец-то уехала, Полина закрылась в ванной и как следует проревелась.

Было тошно от самой себя, от своей беспомощности и зависимости. Хотелось одного – прямо сейчас собрать Марусю и сбежать, но сковывал страх, что это может ударить, прежде всего, по самой Марусе. Так же, как когда-то давно ударило по Полине бегство бабушки. Ведь бабуля хотя и хотела как лучше, и делала всё, чтобы Полина не чувствовала себя ущербной... Она всё равно чувствовала. Хотя и не сразу, конечно.

Поначалу, когда ты ребёнок и в одних трусишках и босиком гоняешь с оравой таких же чумазикиков – это одно, но чем старше, тем сильнее проявляется контраст деревни из окружения и города в крови. Презрительное «городская» в спину, за то, что отказываешься есть вяленую рыбу из которой только что, при тебе, пацаны выковыривали палочкой опарышей. За то, что самогонку пробовать отказываешься, за то, что в тринадцать лет ещё не «ходишь с мальчиком» Да много чего ещё!

А потом Полина приехала учиться в город, и всё повторилось с точностью до наоборот – теперь она слыла деревенщиной за то, что в грязную погоду поначалу надевала галоши или за то, что на пары брала с собой бутерброд – простой хлеб с маслом, а не шла обедать столовскими горячими пирожками и пиццами. А ещё «кофе» иногда по привычке называла «кофий» – как говорили у них в деревне, и не брезговала дешёвой подработкой – мытьём полов, например. Или что в свои шестнадцать всё ещё оставалась девственницей. В общем, тоже – много чего ещё, по мелочам. Даже Марк сразу же почувствовал, что она деревенская, и просто чудо какое-то, что именно это его в ней и привлекло! В отличие от свекрови, которую, похоже, именно это больше всего и раздражало.

Все эти годы Полина упорно старалась стать «своей», городской, и уже давным-давно ею стала – но в глубине души всё равно так и чувствовала себя приживалкой. Умом понимала,

как это глупо, но всё равно комплексовала. И это и злило, и расстраивало. Как будто внутри неё жила маленькая, в чём-то виноватая девочка, с которой никак не удавалось договориться!

А ведь не пойдёшь бабушка тогда на поводу у своих страхов и останься в городе – всё могло бы быть иначе!

Вот так же и с Марусей теперь. Ну как можно вот так просто взять и уйти? Во-первых, Марк ей всё-таки отец, а во-вторых, квартира-то его! И если Полина не потянет съёмное жильё, придётся ехать к бабушке в деревню, а там ни садика, ни школы уже не осталось. Ни работы. Не говоря уж о стремительно стареющем и спивающемся населении. В идеале – бабушку бы сюда перевезти, а не наоборот...

А ещё, ну если уж смотреть правде в лицо, Марк прав, она действительно виновата в том, что недодаёт ему. Ему же с самого начала нужно было больше. И если поначалу она старалась соответствовать его запросам, то со временем погрязла в рутине и заботах, и муж отошёл на второй план. Другие мужики в таких случаях постоянных любовниц заводят или по проституткам шляются, а этот всего лишь в сети развлекается. Противно, конечно, и обидно, но... Лучше, чем если бы в реале, так ведь?

Постаралась вогнать себя во «всё будет хорошо» и, вроде, даже слегка успокоилось, но в душе всё равно тревожно ныло.

Глава 11

За три недели вынужденного простоя мужики соскучились по работе. И по деньжатам, само собой, тоже. Им теперь даже в воскресенье было в радость выйти. Да и сам Руслан ещё на подъезде к сервису, в районе оптового рынка, почувствовал, как нутро скрутило от предвкушения. Потому что вот это всё – машины, гаражи, въевшийся в кожу мазут и запах железа – и есть его жизнь.

Вот Лорик, например, любит завести разговор о поиске себя, о предназначении. Маетно ей в проводниках, разлюбила она это дело, поезда уже на дух не переносит, терпит из последних сил – и дорогу, и пассажиров, и коллег, а куда ещё себя приткнуть не знает. Тренинги какие-то проходит, курсы, а толку – ноль.

У Руслана же всё проще – с раннего детства, словно ключевая деталь механизма, он встал на своё место и с тех пор из обоймы не выпадал.

Правда, однажды вышибло силой, да так вышибло, что, сидя на обувном производстве, выть хотелось от тоски по железу и механизмам – но и там всё выправилось. Потому что железо и механизмы, к счастью, есть везде. Были бы руки и голова.

Снаружи, возле ворот, его поджидал сплошь тонированный «Икс шестой» Мансурова. Ну что ж, если не гора к Магомету, то Магомет к горе. И не то, чтобы Руслан считал себя горой, но видать, Мансурову действительно очень надо.

Расшаркиваться и приглашать его на чай Руслан не стал, лишь кивнул мимоходом и сразу пошёл к себе. По пути обратил внимание на «новё» – «Ауди-80», припаркованную на территории сервиса. Сильно покоцанная, местами гнилая. Навскидку – девяносто третьего – девяносто четвёртого года, даже модный в то время цвет «брызги шампанского» скорее всего оригинальной заводской покраски. Руслан остановился возле неё, заценил масштаб. Работы предстояло много, но вся интересная, можно сказать, творческая. Для души.

Заглянул в распахнутые настежь ворота первого ангара:

– Влад, здоров! Восьмидесятую кто поставил?

Из ямы под брюхом белого «Хёндая» показалась голова в засаленной бандане, протянулась для пожатия перепачканная рука:

– Здоров, Рус! Виталик какой-то вчера вечером пригнал. Сказал, сам с тобой свяжется. Маленький такой, шнырявый.

– Понял. Ладно, давай.

– Там ещё это, Кирилл две бочки масла заказал и расходников насобиралось. Проплатить надо, чтобы к концу недели пришли.

– Понял. Бодряков не навевывался?

– Да вроде нет. Не видал.

Руслан отошёл в сторону, набрал СМС:

«Виталь, здоров! Заценил твой раритет. Знатный. По срокам пока не скажу, а по цене чуть позже, как пробую по запчастям»

Краем глаза заметил, как от ворот к нему неспешно плывёт одутловатая, приземистая фигура Мансурова. В это же время получил ответ от Виталика:

«Здоров, Рус! Ну ты понял да, я хочу чтоб ты из неё эксклюзив сделал, типа своей камрюхи. И ещё вопрос – Артём сказал, ты решётки снимать будешь? Может, тебе тогда ручки с противовзломом поставить? У меня как раз есть»

«Это как?»

– Сказать честно, ожидал чего угодно, но что приедешь на такси... – напевно рассмеялся Мансур и протянул руку. – Здравствуй, Руслан.

Руслан ответил на пожатие:

– Сапожник без сапог, Валихан Айратович.

– Знаю я твои сапоги, – с укором качнул пальцем Мансуров. – Так восстановить, это надо золотые руки иметь! Во всём городе только одни такие знаю – твои. У меня в восемьдесят пятом новая «Камри» была, только чёрная. Козырная тачка! На тот момент одна из самых крутых в городе. Так вот, мне кажется та, новая, выглядела хуже, чем твоя восстановленная! А ты её за бесценок. Вай-вай... – покачал головой, помолчал. – Стены-то хоть достроил?

Руслан напрягся. Не нравилось ему это. Как под стеклянным колпаком – каждая зараза знает, чем и как живёшь. Бжикнуло ответное СМС от Витали:

«Это когда при давлении снаружи, ручка блокирует окно в закрытом положении. От грабителей хорошо. И решётки нахрен не нужны»

– Валихан Айратович, вы же не ради моей стройки приехали, да? – повернул разговор к делу Руслан и одновременно набрал ответ:

«Девятый этаж, какие, нахрен грабители? Ставь то, что быстрее»

«Одинаково, примерно неделя»

«Ок. Тогда без разницы»

– Ты знаешь, зачем я приехал, Руслан. И если уж судить мудро, то это касается и твоей стройки и выкупа тачки из залога. И перспектив на будущее. Мои условия прежние – ты помогаешь мне, я тебе.

– Бодряков тоже самое поёт, золотые горы сулит, если к нему пойду. А я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Мне и без покровителей нормально. Особенно если они между собой в контрах.

Мансур мягко рассмеялся. Карий взгляд цепко скользил из-под нависших век, но в этом не было угрозы. Он действительно был настроен на диалог, иначе – не приехал бы лично, не ждал бы за воротами, не уговаривал бы.

– Давай начнём с малого – всего один, но очень важный заказ. А там глядишь, и понравится, а? Что ты теряешь? Или Бодряков предлагает какую-то особенную цену и условия? Так ты только скажи, и я предложу лучше. – Мансур хитро улыбнулся. – Уж я постараюсь...

Подумалось вдруг, что он, похоже, в курсе, чем закончился последний разговор Руслана с Бодряком – и про пинание толпой дегенератов и про вывоз за город. И, возможно, то, что сервис Руслана до сих пор живой – это, как раз, благодаря Мансуру. Наглядный тест-драйв «крыши», так сказать. Ну что ж, впечатляет.

– Дело не в условиях, Валихан Айратович. Я просто сильно сомневаюсь на счёт этого вашего очень важного заказа. Не лежит у меня к нему.

Мансуров вздохнул:

– Мне нужна эта машина, Руслан. Для меня это дело чести. Для тебя же – просто работа. Считай, я просто твой клиент. Заплачу хорошо, концы в воду. Гарантирую.

Руслан помолчал, глядя с каким упоением Мухтар обглаживает белый, отшлифованный мосол, которому же года полтора, точно. И ведь предлагали ему другие, не берёт. Просто хобби такое бестолковое у кобеля – мусолить этот долбанный мосол. Типа как у Руслана – вкалывать без выходных-проходных и скакать из кредита в кредит, выгадывая процентные ставки и размеры займа, вливая каждую свободную копейку в строительство дома, вместо того, чтобы согласиться уже на предложение Мансура и разом закрыть и кредитный вопрос, и инвестиционный.

Но не любил Руслан быть обязанным, вот в чём соль! Не по понятиям это, ложиться под покровителя, когда и руки-голова на месте, и дела наплаву. Он же не баба на содержании.

– Почему я? Почему не Ремезов, например? У него и рук больше и сервис посовременнее.

– Что есть, то есть. Но в данном случае, чем меньше народа в курсе, тем лучше, а сервисом меня не удивить, сам понимаешь, могу обеспечить тебя всем, что только попросишь. А при

прочих равных, в твою пользу играет рекомендация хорошего, уважаемого мною человека. И это всё решает.

– Чья?

Рванулся на цепи и залился лаем Мухтар. Испуганно взвизгнул женский голос, и тут же раздалось жалостливое:

– Вали-и-ик!

Мансуров недовольно поморщился:

– Ну что за женщины, а? Говоришь – сиди, жди, нет, надо цирк устроить... Ва-а-ай...

Мухтар всё рвался, а от ворот, повизгивая и почти до пяток проваливаясь тонкими высокими каблуками в землю, ковыляла девушка. Молодая, лет двадцать от силы, а то и меньше. Помахала ручкой:

– Вали-и-к... А я к тебе!

Руслан с трудом сохранил безучастное лицо. Валик, твою мать. Какая у них разница, лет сорок?

– Здравсти, – доковыляв, кокетливо улыбнулась девушка Руслану и протянула руку: – Я Марина.

Хищные красные когти, ресницы до бровей, синие линзы, губы надутые, словно вот-вот лопнут, кожа на скулах мерцает под солнцем, как перламутровый пластик. Зубы – белоснежный санфаянс.

– Руслан, – кивнул, но руки не протянул.

– Иди на место! – рявкнул на неё Мансуров.

Но она повисла у него на локте и что-то зашептала в ухо. Валихан побагровел, закатил глаза:

– Руслан, где тут у вас...

– А, это там, – указал он на тропинку, ведущую вокруг ангара. – Только у нас, извиняйте, пока без изысков. Аля теремок.

– Спаси-и-ибо! – и девушка поковыляла куда послали.

Какое-то время Мансур и Руслан молча провожали её взглядом, наконец, Валихан вздохнул:

– Почему так, не понимаю! Как ни красавица, так дурочка! Куда исчезли нормальные, настоящие женщины? Ты случайно не знаешь?

Руслан только хмыкнул. Красавица? Спорно. Кукла. Даже её блондинистые, идеально ровные, блестящие волосы были какими-то пластиковыми, не хотелось ни смотреть на них, ни прикоснуться. То ли дело...

Так, стоп!

Отмахнулся от возникшего перед глазами нежного образа с горящими гневом и упрямством глазами, но в груди всё равно как-то приятно...

Ай, ладно. Не важно, короче.

– Руслан, ты пойми, мне эта тачка как воздух нужна, – Мансур, схватил себя за горло: – Вот так! Дело чести!

– Это ваше дело чести пахнет криминалом, Валихан Айратович. А я с ним ещё в прошлом веке завязал, вот такой расклад.

– Да не будет ничего, клянусь! Мажорчика московского наказать, показать ему, что нехорошо брать чужое – возвращается бумерангом! И всё!

– И что же он у вас взял, интересно, что в ответ вы тиснули у него тачку за десять лямов?

Валихан, помолчав, махнул рукой:

– Ладно, тебе скажу, ты свой человек. Тёлку он у меня угнал! Понимаешь? Я в её эти сиськи-шмиськи почти пять лямов вложил, не говоря уж про заграницы-шмаграницы и бутики-шмутики – всё для неё! А тут этот мажор.

– Мм... – многозначительно хмыкнул Руслан, крепясь, чтобы не заржать. – Ну это да. Это дело чести. А вообще, в комплект к сиськам противоугонку надо было ставить, Валихан Айратович.

– По документам всё будет идеально, клянусь. Австрийская растаможка, год, модель – всё в копеечку! А вот цвет и индивидуальную отделку надо будет сохранить мажорские, чтобы узнаваемо было. Чтоб он, сука, локти свои обглодал, когда увидел! – Помолчал. – Оно ж понимаешь, Ремезов может, и соберёт кузов, тоже ведь способный малый... – понизил голос: – Но номера-то лучше тебя никто не перебьёт.

Руслан поиграл скулами.

– Тоже рекомендации?

Мансуров развёл руками, мол, никуда не денешься.

– А всё-таки, кто этот хороший человек, Валихан Айратович? Ну так, для себя просто знать.

– Максим Агеев, помнишь такого?

Руслан задумался.

– Нет.

– Ну я же говорю – дело давнее. И он уже фамилию сменил, да и ты, знаешь ли, не по-детски потерялся в своё время.

– Тогда откуда эти рекомендации?

– Аа-а-а, – с улыбкой покачал пальцем Мансуров, – тут ты сам засветился со своей «Камри».

– Не понял?

– Чего не понял? Выкупай её скорее, фартовая она у тебя, хорошему человеку до глубины души отозвалась. Нельзя её в чужие руки. Уж поверь старому татарину, который масть за версту чувствует. – Из-за угла показалась кукла Марина и Мансур вздохнул: – Ну вот посмотри на неё – стройная, как лань! Волосы – пшеница! Ну красавица же! Я ей на прошлой неделе мерседес на день рождения подарил, а она расстроилась. Оказалось, сиськи новые хотела. А я не знаю. Оно вроде и не помешало бы, но... – пожал плечами. – Не знаю.

– Опасаетесь, что тоже угонят? Тогда, может, с ней контракт на отработку сисек подписать?

– Да ну. Она же женщина всё-таки! Как-то это... Контракт. Не по-мужски.

– Тогда через ЗАГС. Тоже, своего рода отработка.

– Ну да! А жену я куда, по-твоему, должен деть? Мы с ней уже почти сорок лет вместе, шестеро детей, пятеро внуков. Думай тоже! Есть же святые вещи, на которые нельзя посягать!

– Ну... – Руслан не выдержал, рассмеялся. – Тогда я не советчик, извиняйте.

– Ладно, – похлопал его по плечу Мансур, – ближе к вечеру пришлю человека с задатком. На счёт Бодрякова вообще не забивай голову. Честно сказать, был у меня с ним разговор... Так вот, мальчик одумался, признал, что плохо себя вёл и обещал, что больше так не будет. Ну а если вдруг забудется – один твой звонок дяде Валихану, и память вернётся.

Мимо проплыла Марина, махнула Руслану ресницами:

– До свидания!

Мансур проводил её ревнивым взглядом.

– Городишко у нас маленький, поэтому хорошим людям надо вместе держаться. Я – твоё золотое дно. – Протянул руку. – Просто доверься.

– Если честно, сравнение с дном не вдохновляет, – усмехнулся Руслан, но руку в ответ пожал. – Только у меня условие, я буду работать здесь.

– Я знал, что мы договоримся! А хочешь, баньку на будущие выходные организуем? Молодые козочки – азиаточки, славяночки. Даже негритяночка есть. М?

– Спасибо. Я подумаю.

– Подумай, подумай, – благодушно хмыкнул Мансуров. – А там, – кивнул на жилую пристройку над гаражом, – поселим моих ребят с причиндалами. Ты ведь, найдёшь, где самому перекантоваться?

Глава 12

В понедельник утром, опаздывая в садик, Полина с Марусей едва ли не нос к носу столкнулись с соседом. Тем самым, из-за стены. Он стоял на площадке возле подъезда и, покуривая, набирал что-то в телефоне. Полина стремительно опустила голову, делая вид, что не замечает его, а вот Маруся наоборот, повисла у неё на руке, всем корпусом разворачиваясь к соседу:

– Здра-а-асти!

– Привет! – свойски подмигнул он ей и, глянул на Полину: – Ну и маме, тоже привет, что ли?

А она лишь сжала Маруськину ладошку и ускорила шаг, а едва отошли подальше, сорвалась:

– Я тебе сколько раз повторяла: не разговаривай с чужими дядями?!

– Дядя плохой? – не поняла Маша.

– Нет, – растерялась Полина. – Не знаю... Просто... Просто он чужой, поняла? А с чужими разговаривать нельзя!

– Но он собачку прогнал!

– Ну и что?! Нельзя, ясно тебе? Чтобы я больше этого не видела!

Возвращалась из садика домой и винила себя в том, что накричала на дочь. И ведь на пустом месте! Вместо того чтобы похвалить за то, что та поздоровалась с соседом!

Сосед, блин... При воспоминании о том, что творилось у него за стеной той ночью, щёки вспыхивали, хотя, казалось бы, что тут такого? Взрослые же люди.

А когда пришла в салон и увидела Светку, поняла, что не так. Было ощущение, что не просто подслушивала – а подглядывала за ними! И ведь до последнего – не только до Светкиных оргазмических воплей, но и до победного рыка самого этого... соседа, блин. И товарищ он, судя по всему, темпераментный. Теперь же Полина от стыда не могла даже глаза на Светку поднять.

– Ты чего такая хмурая? – не поняла та.

– Нормальная, – бестолково переключаясь с места на место инструмент, отмахнулась Полина. И тут же не удержалась: – Ну как? Было у вас свидание?

– Естественно! – вальяжно развалилась в кресле Светка. – Я же сразу тебе сказала, он позвонит!

– М... И что, куда ходили?

– В ресторан, потом к нему, – Светка окинула Полину испытывающим взглядом. – А что? Жалеешь, что упустила?

– Да прям! Просто интересно. Как тебе, кстати, его... нос?

– Шикарный! – мурлыкнула Светка. – Сантиметров двадцать, точно.

Полина, прикидывая размер, скептически развела большой и указательный пальцы.

– Ну не знаю. Мне кажется, это травматично.

– Завидуй, завидуй, – многозначительно хмыкнула Светка. – А как он им пользуется! Хочешь, расскажу?

– Обойдусь как-нибудь. Ещё встречаться будете?

– Пфф... спрашиваешь!

Натянуто помолчали.

– Ну а кто он такой-то вообще? Где работает? Чем занимается?

– Да понятия не имею! Нам с ним не до разговоров, знаешь ли, было. И вообще, какая разница? Я замуж за него не собираюсь.

Полина дежурно улыбнулась.

– А я хочу в заводоуправление съездить, Свет. Всё-таки мне кажется, что Марк с бабой тогда был.

Светка крутанулась в кресле, остановилась лицом к Полине.

– Зачем? Ну допустим, узнаешь ты. Допустим, окажешься права. Дальше что?

– Не знаю. Мне просто надоело, что чуть что, они с мамашей сразу винят в травме меня. Как будто я не вакансию для него нашла, а на станок собственноручно затащила. А так, я стану свободнее.

– Ну-ну. Ещё скажи, что разведёшься. Разведёшься?

Полина промолчала. Светка хмыкнула:

– Тогда это бессмысленно. Даже наоборот, меньше знаешь – крепче спишь.

Ближе к обеду, выкроив немного времени, Полина побежала домой и на первом этаже возле лифта снова столкнулась с соседом – тем самым. Первой реакцией было попятиться. Голову опустить. А в идеале – сквозь землю бы провалиться. Но она только упрямо поджала губы и устала себе под ноги. Сердце выскакивало. Сосед тоже молчал, и искоса поглядывал на неё, а когда дверцы раскрылись, повёл рукой, словно спрашивая, едет ли она. И Полина вошла.

– Тебе какой? – спросил он, войдя следом.

Вместо ответа Полина нажала девятку.

– Даже так? – удивился сосед. Помолчал. – А с рукой что?

Полина нервно обхватила обмотанное эластичным бинтом запястье, но снова промолчала.

– Если растяжение, то шерстяной ниткой повяжи. Не знаю как, но это работает. Особенно, если «вольтареном» три раза в день мазать.

Говорил серьёзно, но Полина вдруг поняла – шутить изволит.

– А у вас, я смотрю, голос прорезался? Тоже, наверное, вольтареном мазали? Или ещё как-то разрабатывали? – намекая на бурную ночь, съязвила она, но тут же прикусила язык.

Повисло напряжённое молчание. Блин. Как дура себя ведёт, честное слово! Детский сад. Но не извиняться же теперь...

– Ты, кстати, извини за тот раз, – сказал вдруг сосед. – Не хотел тебя напугать, просто денёчек на нервяках выдался. Оправдание, конечно, так себе, но... – на мгновение замолк и небрежно дёрнул щекой: – Короче, извини.

И, готовясь на выход, повернулся к ней спиной. Полина глянула на него украдкой – какой-то он другой в этот раз. Аура по-прежнему сильная и несговорчивая, но уже не пугающая, а даже наоборот – притягивающая.

Суетливо отвела взгляд. Этого ещё не хватало!

Возле квартир остановился у неё за спиной, понаблюдал, как она ищет в сумочке ключи.

– Ничего себе, сюрприз! Ну, тогда я Руслан.

– А по отчеству как? – воюя с замком, уточнила Полина.

– А по отчеству Батькович! Нет, серьёзно, можешь по-простому, Руслан и всё.

– Нет, извините, я по-другому воспитана.

– Это как? – усмехнулся он. – По понятиям что ли?

– Что, простите?

– А, да это... шутка такая, не обращай внимания. – И вдруг: – Волосы у тебя красивые, соседка, – мягко коснулся, пропуская пряди сквозь пальцы. – Рука так и тянется.

Полина смутилась, повела головой, уклоняясь и, наконец сладив с замком, шмыгнула в квартиру. Прижавшись к двери спиной, заторможено уронила с плеча сумочку. По шее и затылку всё ещё разбегались мурашки. Дурацкие, но неожиданно приятные мурашки.

В дверь тихонько поскреблись.

– Ну что? – едва протиснувшись в коридор, зашептала тётя Валя. – Он?

– Он, – застигнутая врасплох, ответила Полина, и тут же добавила: – Только он меня тогда не трогал, тётъ Валь, недоразумение вышло. И вообще, он извинился уже.

– Ну да! Извинился он! Знаю я, как они извиняются-то! А ты видела, к нему в субботу ночью баба какая-то приходила? Не успел заявиться, и на тебе, началось! Проститутка, точно! Разврат! Вот увидишь, притон тут откроет! Прямо за стеночкой у тебя, ага... Ох, Полин, не нравится мне это! Я Наталке-то звонила в тот раз, но она не ответила, видать, на дачу с ночевой уже ездит. Но ничего, я ещё позвоню. Ты не переживай, всё узнаем! А если что, я и до участкового дойду, так что не бойся! – и сбежала.

– Чего она хотела? – вышел в коридор Марк.

– Ничего, – буркнула Полина. – Просто.

И, стараясь распластаться по стене, чтобы ненароком не коснуться мужа, протиснулась мимо него на кухню.

– Полин... – пошёл он следом, – я удалил свою страницу с той соцсети.

Она молча достала из холодильника кастрюлю, налила себе суп.

– Полин, ну... Ну виноват я, признаю же! Но всё же уже в прошлом.

Звякнула микроволновка, Полина вынула тарелку, села за стол.

– Ну чего ты добиваешься? Чтобы я умолял тебя что ли? Я же говорю – удалил. Этого что, мало?

– Марк, у меня двадцать минут и снова надо бежать, до самого вечера. Просто дай мне спокойно поесть, ладно?

– Да у тебя всегда всё просто! Ты там ходишь не понятно где и с кем, а я тут сижу в четырёх стенах и сума схожу. Думаешь, мне легко понимать, что ты там каждый день левых, здоровых мужиков... обслуживаешь?

Полина натянуто рассмеялась.

– А ты не сиди, Марк! Иди! Гуляй, запишись в бассейн, в тренажёрку. Созвонись с друзьями, если остались. Маруську, вон в садик – из садика води, в магазин, там, по мелочи. Ты же запросто сможешь! А я тебе благодарна буду. Мне очень нужна такая помощь! Но ты же не хочешь даже попытаться начать шевелиться. Хотя... – она задумчиво куснула хлеб, – купил же ты себе ту рубашку, да? Где? Как минимум, на бульвар ходил, ближе негде. Ну? Значит, не так уж ты и дома-то сидишь. Просто я не вижу, где ты бываешь, потому, что пашу с утра до ночи. Так ведь?

– Ты сейчас что, обвиняешь меня в чём-то?

– Да боже упаси, Марк! Просто думаю. Если ты завёл себе бабу в вирте, что тебе мешает завести её в реале? Или одноразовых снимать? Гостиница вон, за сквером, десять минут ходьбы... Слу-у-ушай, и почему я раньше-то до этого не додумалась?

– Перестань!

– Да почему перестань-то? Всё же логично, Марк! Сам смотри: я тебе недодаю, это мы уже выяснили; ты у нас мужик ого-го – это мы тоже выяснили. Контролировать я тебя не могу. Зарабатываешь ты теперь сам, а сколько – я не в курсе... Блин, Марк, да ты сто процентов мне изменяешь!

Понаблюдала, как его лицо наливается злым багрянцем.

– Неприятно да? А у меня так каждый раз! Я пашу как чёртова мужебаба, прихожу домой, хочу просто твоего понимания и заботы – хоть какой-нибудь! – а ты мне каждый раз вот эту хрень на голову сливаешь. Ну и как ты думаешь, хочется мне после этого тебя в постели улаживать?

– Полин, ты что, серьёзно думаешь, что я тебе изменяю? В смысле, по-настоящему?

По-настоящему, блин. Как будто измена бывает понарошку! Посидела, сложив руки перед остывающим супом, вздохнула:

– Нет, Марк, я предпочитаю тебе верить. Я даже на завод не поеду, хотя прямо тебе говорю – я уверена, что ты покалечился по собственной глупости. Даже не знаю, вы идиоты, прямо на распиловке что ли трахались? – в груди резануло обидой, перехватило горло. Пережидая приступ, Полина закрыла лицо ладонью, но не выдержала: – Да ну тебя! – и, так и не поев, сбежала на работу.

Ближе к вечеру, собираясь идти в садик, отвлекалась на шум за окном – словно трактор, а то и целый танк подъехал. А оказалось, всего лишь старая, с частично снятым кузовом, но гордыми кольцами «Ауди» на уцелевшей морде машина.

Она припарковалась на стояночке, как раз напротив салона, и Полина тут же потеряла к ней интерес, но разглядела вдруг за рулём соседа. «Руслан» – тут же отозвалось у неё в голове, и от этого стало как-то... непонятно.

– Ты глянь-ка, – как можно безразличнее хмыкнула она, – твой подъехал!

– Кто? – не поняла Светка.

– Кто-кто, Руслан твой двадцатисантиметровый!

Сказала и спохватилась: опять этот глупый, неуместный сарказм – прёт из неё как недержание какое-то. Как будто это не их личное дело, чем они там занимались той ночью.

Светка кинулась к окну, но вдруг на мгновение застыла и попятилась. Полина удивлённо обернулась:

– Ты чего?

– Ну... Мы договорились не светить отношения. И вообще, я сегодня с Пупсом встречаюсь. Ты это, если он вдруг зайдёт, скажи, что я уже ушла, ладно?

И сбежала в туалет.

Полина не стала больше ранить мужа подозрениями в измене, и даже спать легла в общую кровать, правда, сразу обозначив, что никакого интима и даже прикосновений! Марк смиренно принял все её условия.

И вот теперь он спал, а она лежала и смотрела в темноту. Высказанная ради красного словца мысль о том, что в течение дня муж вполне может тайно прогуливаться до соседнего отеля и развлекаться там с проститутками, неожиданно ударила по ней же самой.

И правда, если предположить, что тогда, на деревообработке, он действительно был в цехе с любовницей, в то время как Полина сидела дома с младенцем, то что мешает ему изменять и теперь, пока она работает? Ещё и переписка эта... Стоило представить, как он делал эти фото и видео, как становилось не просто тошно – больно. Хотелось свернуться калачиком и скулить.

Интересно, это была бесплатная переписка, или он ей ещё и деньги за это платил? А вдруг он давно уже зарабатывает на своих биржах, но спускает всё на проститутку? Три года порно-переписок с одной и той же женщиной... это разве не длительные отношения в своём роде? Интересно, а с той бабой на деревообработке у них сразу связь началась или уже ближе к травме? А что если он и до свадьбы изменял, например с Полиниными однокурсницами, поэтому и запретил ей с ними общаться?

Эти мысли раскалывали голову. Полина гнала их, но они возвращались снова и снова. Встала, открыла окно. Некоторое время бездумно изучала драный рисунок прорех на москитной сетке, потом просто вынула её, и отставила к стене, чтобы не забыть заказать новую.

Навалилась на подоконник, наблюдая за скольжением фар на дороге вниз, за ленивым покачиванием тополиных макушек и редкими огнями в окнах домов напротив. И вдруг уловила запах табака. Сердце отчего-то вздрогнуло и заколотилось быстрее. Она осторожно выглянула из-за наружного откоса. В этот момент из соседнего окна показалась рука, сбила об наружный подоконник пепел с сигареты. В темноту полетели золотые искры.

Спрятала голову. Как замороженная вдыхала дым и обмирала от загадочной, тонкой интриги – вот она стоит здесь и знает, что сосед тоже у окна. А он не знает, что она здесь... Но от этого ниточка, словно связавшая их в ночи, никуда не исчезла. Больше того, эта ниточка неожиданно трепетная и манящая, как запретный плод...

«Волосы у тебя красивые, соседка. Рука так и тянется» – так просто, и так приятно! Память услужливо воскресила прикосновение, и по спине тут же снова рассыпались мурашки...

Обернулась на мужа – спит. А она стоит... и думает о другом мужчине. Нет, нет, ничего такого! Но всё равно – это так странно и непонятно. И почему-то хочется улыбаться.

Утром, едва вышли с Марусей за порог квартиры, Полина сразу же поняла, что Руслан уже не дома: на этаже стелился тонкий шлейф его парфюма, и можно было поручиться, что сосед уехал вот только что, прямо перед ними. Даже лифт ещё гудел, спускаясь.

Внутри кабинки аромат парфюма был крепче. Свежий. Вот прямо только-только! Но перед подъездом соседа так и не застали. Полина машинально глянула на парковку – старенькой «Ауди» тоже уже не было.

Вернувшись из садика, кормила мужа завтраком, рассеянно и невпопад поддерживала разговор.

– Я не понял, ты о чём думаешь-то? – напрягся Марк. – Или, может, о ком?!

– А? – очнулась Полина. – А, да так, ни о чём. Просто... Не знаю, состояние какое-то... Не выпалась, наверное.

А сама прислушивалась к неясному трепету в груди и испуганно понимала, что всё ещё думает о соседе.

Глава 13

«Причиндалами», с которыми приехали на жительство в сервис люди от Мансура, оказалось оружие. Автоматы.

Один «постоялец» охранял ворота, другой наблюдал за территорией из окна пристройки на втором этаже, третий ходил по периметру снаружи. Все в брониках, неразговорчивые.

В тот же день четыре работника Руслана, пряча взгляд, попросили отгулы «пока всё не утрясётся».

К счастью, остались самые толковые: Влад, Кирилл и Серёга. Влад – стреляный воробей, бывший военный, его на слабо не возьмёшь, Серёга как обычно «на бетоне» – ему хоть чёрта покажи, даже не удивится, а Кирилл – адреналинщик по жизни, ему, кажется, вся эта бандитская романтика наоборот, в кайф пришлась. А вот самому Руслану было чертовски не по себе. Нет, он не боялся, но обстановка на территории сервиса теперь жутко напоминала то, о чём страсть как хотелось забыть.

После напряжённого дня, приёмки «конструктора», его осмотра и обсуждения с мужиками стратегии сборки, но главное – после постоянного нахождения под перекрёстным слежением Мансуровых людей, Руслан вырубился, едва коснувшись головой подушки. И приснилась ему очередная вариация «любимого» сна, в котором, на этот раз уже понимая, что глобально ничего не изменить, Руслан сразу повёл девчонку в баню.

Душный воздух, полумрак, необъятных размеров бассейн, а в нём – Калашников брасом плавает. По бортику мужики сидят, не разобрать, кто есть кто, но Руслан помнит некоторые фамилии, старается вспомнить остальные... Отвлекается от девчонки, зачем-то идёт в какую-то комнату. Там оказывается один из Калашовских гаражей – тех, что работали на угонах. Всё вокруг завалено разборками, так что приходится протискиваться между деталями и частями машин, а на сход-развале стоит целёхонькая тойота. Его, Русланова, «Камри»

Ну как его – пока не его. Пока что он видит её впервые. Но уже знает про неё всё: тачке десять лет, а у неё пробег, как у двадцатипятилетнего рейсового автобуса – сумасшедший. Ходовая убитая – не берегли. Делать и делать. Ценник за всё-про всё нехилый выходит, но хозяин её вроде из серьёзных, денежных товарищей, не должен замотить. Руслан на это надеется. Он ведь не для себя, не то, чтобы нажиться – на таком ремонте разве нагреешься? Греться, это, вон, на угоны... Но ему реально хочется с ней повозиться, тянет она его, он её чувствует. И это не объяснить.

Потом тойоту забирает какой-то парниша, и Руслан ему даже слегка завидует. Потом снова этот парень, но уже на другой тачке, вроде внедорожника какого-то. Говорят о чём-то, куда-то идут. А может, едут. Какие-то люди, здания... Бестолковая кутерьма. Фоновая тревога. Снова эта девчонка – красит губы, строит Руслану глазки: «Чего смотришь, хочешь меня?» Он пожимает плечами: «У меня, вообще-то, жена» Она смеётся: «А мы ей не скажем!» Манит его пальцем и, виляя задницей, уходит по тропинке между высоких кустов. А когда скрывается из вида, Руслан вспоминает, что в этот раз хотел проследить за ней лично, кидается следом... Двери, люди... Снова кутерьма. Поиск... И вдруг – душная тишина, и он понимает, что лежит в кровати с этой девчонкой. Голый. Она тоже голая и лохматая, влажная от пота, на виске кровоподтёк, на шее синяки, губа разбита... Смеётся взхлёб: «А говорил, жена!», и уже нет смысла продолжать смотреть этот чёртов сон... Проснулся.

Стоял потом у окна, курил и пытался разобрать сон на детали. Хрен с ней с той девкой – тут всё понятно. Калашников, опять же, – хрен с ним. А вот тойота и тот парниша, что за ней пришёл – в вариации этого сна впервые.

Сейчас Руслан отчётливо вспомнил – пацанчик этот в середине девяностых работал водилой у местного авторитета и частенько пригонял его тачки на ТО в гаражи к Калашникову.

Разные тачки, в том числе и эту тёмно-синюю «Камри», но, правда, никогда лично к Руслану. У Руслана, ведь, при Калашникове другая функция была, а поэтому работал он в основном в «секретных» гаражах за городом. Но иногда выходил подменить кого-нибудь из пацанов на нормальном ТО и там-то и пересекался с этим парнем на «Паджеро» Вот, точно! Одна из тачек, на которых тот приезжал – новенький «Паджеро»

А чего тогда приезжал, если новенький? Да хрен его знает, столько лет прошло... И что-то тут ещё... Что-то...

Руслан задумчиво побарабанил пальцами по подоконнику. Нет, не вспомнить – нет образа, только ощущение... Что-то мягкое и... И словно какой-то косяк со стороны Руслана, о котором знает только он. И почему-то в памяти встаёт цвет, как ассоциация, – золотистый беж. И какая-то неявная связь с тем парнишей...

«Максим» – выдала вдруг память, и Руслан кивнул своим мыслям. Точно! Парня звали Максим. Агеев, там, не Агеев – этого Руслан никогда не знал, но то, что они с ним пересекались по теме «Камри», когда она ещё не принадлежала Руслану, – это да. Да и потом, когда в девяносто шестом Максим пошёл в свободное плавание, занявшись перегоню тачек из ближнего зарубежья – тоже приходилось пересекаться на автомобильную тему.

В принципе, картина, слегка обрисованная Мансуром, складывалась. Если этот Максим увидел реставрированную «Камри» и признал в ней ту самую, на которой когда-то работал – вполне мог вспомнить и Руслана. И порекомендовать его Мансуру, потому что сам-то Макс в своё время тоже разные тачки гонял, в том числе и «серые», и Руслану частенько приходилось шаманить и над ними. В обход Калашникова, естественно. Собственно, на этом и заработал тогда на квартиру. И не только на неё.

Вот время-то было – девяностые, мать их! Воровали, вымогали, мошенничали... Крутились, как могли. Выживали сильнейшие, хитрейшие и те, кто сумели сбиться в стаи. Неформатных и идейных топили, как слепых щенков – чтобы не путались под ногами и не мешали неприкасаемым делить сферы влияния. Но иногда, правда, и неприкасаемым влетало, бывали громкие случаи. Пуля-то – дура, чего с неё взять. Кто не спрятался – она не виновата.

А кто-то и на пустом месте разяву словил. Как Руслан, например.

Вспоминать об этом было тошно, но образ девки из сна тут же упрямо полез на передний план. Растревожил как-то особенно остро, как-то... Руслан закрыл глаза, сосредотачиваясь на воспоминаниях.

Тёмная душная комната, девка эта на кровати – голая, истерично хохочет. Кожа её тёплая и мягкая, влажная. Воздух пахнет потом и сексом. Волосы растрёпанные...

Открыл глаза. Поймал! Понял прикол подсознания, только шутка вышла ни хрена не смешная – сегодня в роли той девки выступала соседка из-за стены. Чёрт.

Сколько за все эти годы он видел в роли той девки! Она как ведьма, как проклятие собирала в себя едва ли не всех, с кем Руслану доводилось когда-либо спать – до хрена, одним словом. Но на этот раз это уже было слишком!

Вернулся на диван, попытался отогнать видение, но тщетно. Теперь его уже дорисовывало полусонное воображение: спутанные мягкие волосы соседки, её измятые до синяков тонкие запястья, кровоподтёки на скулах, разбитая губа... Растерзанная, безвольная поза... И сам факт того, что произошло. Как бы по его вине.

Снова сел. Растёр ладонями лицо.

Да, соседка ему запала. Он признал это ещё тогда, в парикмахерской, когда наблюдал за ней через зеркало. И вроде ничего особенного, девчонка как девчонка, к тому же, молодая ещё совсем, но во время секса той же ночью, чего греха таить, представил вдруг её. И это он тогда ещё не знал, что она вот, за стеной живёт.

...Интересно, сколько ей лет?

Закатай губу, Подольский! Ни мыслишки, ни, тем более, руки свои не тяни в ту сторону. Девочка чистая – её видно, а ты, считай, конченный. Делай ремонт, раз уж начал, и вали по холодку. Или сразу вали – ещё лучше будет. Для тебя же.

Мансуров навещался в гараж по несколько раз на дню – у него от предвкушения мести московскому мажору аж огонь молодой в глазах появился. Даже Кирилл с Владом стали называть его между собой «маньячеллой»

Работы предстояло много, и вся она была тонкой, не терпящей суеты. И тут, как нельзя кстати, пришла Виталькина «Ауди» – чтобы отвлекаться, отдыхать.

Реставрация была страстью Руслана. Он любил все эти «Победы», «Волги» и «Чайки», допотопные иномарки и просто рухлядь, которой можно было дать вторую жизнь. Вот именно – вторую жизнь. Может, он видел в этом железе себя? Кто знает.

Кстати, Виталькину «Ауди» он тоже вспомнил. Едва на следующий день после того дурацкого сна зашёл на территорию сервиса – ночная ассоциация «золотистый беж» и «что-то мягкое» тут же обрела очертания – золотистая, перфорированная кожа. Всё ещё не веря, полез в салон – и точно, на дверях в качестве элитной отделки была использована обтяжка кожей. Золотистой, перфорированной. Для верности, Руслан отодрал панель задней правой двери и там, возле самого порожка, обнаружил свой давний, старательно прикрытый алюминиевым уголком «косяк». Вернее, наглую недобросовестность – заплатку из куска похожей кожи. Похожей, но другой. А кусочек вот этой – дорожкой золотой, он тогда тупо украл и отнёс будущей жене. Она из неё, кажется, заколку для волос сделала.

Эти воспоминания потянули за собой цепочку других – хозяйкой этой ауди была женщина, а с Максом она ассоциировалась потому, что, кажется, была в отношениях с его хозяином, тем авторитетом. Да Руслан, кажется, и его самого видел пару раз. Серьёзный такой, хмурый мужик. Руслан был тогда совсем пацаном, только из армии вернулся, и этот вот авторитет жутко напоминал ему их военкома – выправкой и резкой, командной манерой общения. Потому и запомнился.

Пару дней спустя Руслан, задолбавшись ходить под дулом автомата, потребовал у Мансура убрать охрану с территории сервиса. И оказалось, что это всё было для понта. Ну, шутка такая. На самом же деле Мансур, во-первых, никого не боится, а во-вторых, точно знает, что никто и не сунется.

– Ну круто, – усмехнулся Руслан. – А у меня из-за них четыре работника сбежали!

– Э-э-э, не путай хрен с пальцем, дорогой! Это не работники были, это бабы, – отмахнулся Мансур. – Работники остались.

На следующий день его люди, хотя и не съехали, но сняли бронежилеты и убрали автоматы. Теперь, несмотря на кобуру за спиной, они вполне себе походили на обычных ЧОПовцев. Мелочь, а вот Руслану показалось, что даже воздуха на территории сервиса стало больше. И свободы.

Глава 14

Всё более или менее вошло в колею. Полина проглотила обиду, Марк сначала на пару дней притих, а потом вдруг начал ходить гулять, в магазин, за Марусей в садик. Даже ужин пару раз сам приготовил. И это были реально классные, обнадёживающие перемены! И вроде бы радоваться, надеяться на то, что уж теперь-то точно всё наладится, но...

Но Полине словно было не до того. Внимание уходило совсем на другое – она, как одержимая, без конца бросала мимолётные взгляды за окно салона, затаённо реагировала на каждую подъезжающую машину, на каждого прохожего у парковки. И это почти неосознанное, но навязчивое ожидание соседа злило. Но в то же время, словно бы наполняло день смыслом.

Делая утром макияж или, в кои-то веки, колдуя над своими волосами больше, чем обычное расчёсывание, она представляла, как всё это увидит и оценит он. И если случалось, что они с ним всё-таки мимолётно пересекались – считай, день прошёл не зря, а грядущий наполнялся новым ожиданием.

Почти каждый вечер перед сном она стояла у открытого окна в спальне и ждала... Как параноик прислушивалась к звукам из соседней квартиры, особенно по ночам. Каким-то седьмым чувством определяла, когда лифт гудит потому, что едет к нему. А однажды поздно вечером, услышав голоса в подъезде, кинулась к глазку, и чутьё не подвело – это был Руслан. И он был с женщиной. Полина напряжённо всматривалась в её силуэт – Светка? – но возле их дверей царил вечная темень, и разглядеть не получилось.

Конечно, всё это было глупо, и поначалу Полина и ругала себя, и мучилась совестью, а потом решила – ну это же игра! Просто игра, ничего такого. Даже не проклятый вирт! Просто оказалось вдруг, что гораздо интереснее жить, когда есть вот этот странный, вдохновляющий стимул раньше вставать и лучше выглядеть. Когда настроение постоянно на подъёме и хочется улыбаться. И предвкушение каких-то ярких перемен впереди. Никогда раньше с ней не случилось такого помешательства, может, поэтому и захлестнуло теперь так сильно? Маленькая личная тайна. Разве кому-то от этого плохо?

Правда, самому соседу не было до Полины дела. Никаких больше «красивые волосы» или «привет, соседка». Сухой, дежурный кивок – и, не успев ещё она прийти в себя, как он уже умчал.

Машину поменял, стал приезжать теперь на тёмно-синей тойоте – какая-то старая модель, но в идеальном состоянии, будто новая. И как она ему подходила! Был в их союзе какой-то особенный шик, или даже вызов. Уверенный, самодостаточный, независимый. Сам по себе. Волк.

Однажды, увидев, что сосед подъехал, Полина суетливо открыла окно салона, чтобы полить цветы в подвесных кашпо снаружи. Руслан её заметил, она знала наверняка... Но не отреагировал. Вообще никак. Даже голову не повернул.

Это неприятно отрезвило, и она решила – хватит! Поигралась и будет! Пора бы и честь знать.

Но душе сразу стало пусто и тоскливо, как будто цветной фильм о приключениях и первой любви превратился вдруг в чёрно-белую хронику из жизни плесени. Всё труднее вставать по утрам, всё скучнее дожидаться вечера, повторяя изо дня в день одно и то же, одно и то же...

Но и это бы ничего, если бы в салон не начал заходить Марк. Просто так, ни с того ни с сего, в любое время. Придёт, сядет на диванчик и сидит, в телефоне копается... А у Полины всё внутри пылает от раздражения. А когда клиенты мужчины, так и вовсе – из рук всё валится.

Не говоря уж о том, как напрягала неприкрытая, затянувшаяся ещё с учажной общаги антипатия между Марком и Светкой, от которой даже воздух в салоне словно становился тяжёлым.

Однажды вечером, забрав из садика Маруську, Марк привёл её в салон.

– Интере-е-есно... – встав у окна сбоку, так чтобы не светиться с улицы, протянул он.

Полина, сметая в совок волосы, не отреагировала.

– Нет, ты гля... – не унимался муж. – Откуда у него такая тачка?

Полина глянула в окно и даже не сразу поняла, о чём речь, а когда дошло – сердце привычно вздрогнуло, но она лишь сделал вид, что ей это не интересно. Вот только взгляд теперь так и тянулся на парковку, туда, где стоял здоровый внедорожник, за рулём которого сидел Руслан. Минут через пятнадцать подъехала другая сплошь тонированная иномарка и из неё вылезли трое в тёмных очках. Марк снова спрятался за откос.

– А вот и крыша приехала. Слушай, а сосед-то наш, похода, тот ещё олень.

– Где олень? – заинтересованно подняла голову от раскраски Маруся.

– Папа шутит, – улыбнулась ей Полина и глянула в окно. Мужчины обсуждали что-то, присаживались перед внедорожником на корточки, заглядывали под днище, обходили кругом. Руслан объяснял им что-то по ходу, эмоционально жестикулировал. Курили, громко смеялись. По очереди садились за руль, заводили, прислушивались. Снова обсуждали. Потом смотрели ту машину, на которой эта тройка подъехала, снова ржали, снова что-то обсуждали...

– Зуб даю, бандюки... – пробубнил Марк, и Маша снова заинтересованно подняла голову – уж что-то, а «бандюк» она частенько слышала от прабабушки и поэтому, на секунду замешкавшись, всё-таки поддалась любопытству и залезла на стул возле окна. – Опа-на... – присвистнул Марк. – А вот и факты попёрли...

Один из мужиков, бородатый, в зеркальных очках, уверенными, чёткими движениями отсчитывал от толстой пачки деньги. Отсчитав, перепроверил и отдал Руслану, а тот, небрежно сложив их пополам, сунул в задний карман джинсов. Ударили по рукам.

– Слушай, а может, он наркодилер? Или...

– А может, он их просто заработал? – не выдержала Полина. – Или ему долг отдали? Такой вариант не рассматривается?

– Не-не, какой долг, говорю тебе – бандюк! У бабки своей проконсультируйся, она сразу весь расклад даст.

– Вообще-то, папочка, – копируя манеру воспитательницы, назидательно подняла указательный пальчик Маша, – этот дядя хороший!

– Ага, чего б понимала ещё, сопля, – отмахнулся Марк.

– Дядя хороший! – топнула ногой Маруся. – Он собачку прогнал! Правда же, мамочка?

Полина сжалась, но поздно, Марк среагировал мгновенно. Повторяя «дядя плохой», легко развёл Машу на подробности. Доказывая свою правоту и для убедительности, она тут же начала фантазировать, придумывать всякие новые страсти, а муж слушал, багровел и нарочито не смотрел на Полину, хотя она чувствовала – сейчас рванёт.

– Ну? – наконец повернулся он к ней. – А у тебя какая версия?

– Марк, Маша ребёнок, она просто испугалась тогда. Ну да, была собака, да сосед помог. Я виновата, не отрицаю. Но все живы и здоровы, поэтому, давай не будем раздувать из этого трагедию? Я свои выводы уже сделала, уж поверь! И больше такое не повторится.

– Какие ты выводы сделала? – сквозь зубы прошипел он. – Какие выводы? Что лучший любовник – это любовник по соседству?

Полина опешила. Вот уж чего-чего, а этого она точно не ожидала.

– Работаешь, говоришь? Упахиваешься? Ну-ну! Где вы с ним? У него? Или по мотелям тебя катает? Или прямо здесь?!

– Марк, я тебя прошу, успокойся! – боясь, что его вопли будут слышны с улицы, Полина закрыла окно.

– Нашла себе любовничка, да? То-то я смотрю, ты борзая стала! Всё, больше никто не нужен? Ни я, ни мама, ни Машка?

– Мамочка, а кто такой любовничек? – испуганно спросила Маруся.

– А это, доча, дядька чужой, который мамку твою... – Марк ожесточённо пошлёпал ладонью по кулаку.

– Прекрати-и-и, – зарычала Полина, подхватывая дочь на руки. – Не позорься!

– Другой папка, дочь! Который тебя ремнём по жопе будет пороть. Хочешь себе такого? Не-е-ет? А вот мамка твоя хочет! Плохого дядьку хочет, вместо хорошего папки!

Маша заплакала, Полина потребовала чтобы Марк ушёл, но он только зло рассмеялся. Она глянула на часы – самой уйти не вариант, с минуты на минуту должна была подойти клиентка, а топтаться, ожидая, с ревущей Марусей на улице – только привлекать внимание того же соседа. Беспомощно бросила взгляд за окно и увидела, что, разговаривая с мужиками, Руслан поглядывает на салон. Испугалась ещё больше – только бы он не решил зайти!

Спасением стала Светка – возвращаясь из магазина, увидела Руслана, махнула ему издали рукой, он ей кивнул, она подошла, начала привычно крутить хвостом: стрелять глазами, наматывать локон на палец, хихикать. Мужики заметно активизировались.

– А-а-а... Ну понятно... – аж затрясся от бешенства Марк. – Поня-я-ятно! Так вы тут уже на троих сообразили! Или он и дружков своих к вам водит?

Полине показалось, ещё немного – и он кинется на неё с кулаками, но этот момент наконец-то пришла клиентка, и мужу хватило ума замолчать.

А поздним вечером, когда Маша уже уснула, он зажал Полину в углу на кухне.

– Отстань... – отчаянно шепча, вырывалась она из его рук. – Не хочу я, понимаешь ты? Не хочу!

– Не хочешь? – шипел он в ответ. – А ему, небось, дала бы, да?

– Убери руки! – боясь пихнуть его посильнее, чтобы не оступился, трепыхалась Полина. От беспомощности и отчаяния накатывали слёзы. – Если бы ты только знал, как бесишь меня своей тупостью и ленью! Всё что ты можешь, это орать и обвинять! Слабак!

Он яростно сдвинул её подбородок в пальцах:

– Бешу? – с силой отпихнул: – Ну и вали к нему!

– Да куда угодно! Только бы от тебя подальше!

– Проваливай!

– Да пошёл ты!

И, выскочив в подъезд, кинулась вниз по ступенькам. Куда, как, зачем – не думала, не успела. Просто не было сил оставаться.

– Хороша мамаша, ребёнка бросила! – крикнул ей вслед муж. – Так ей и расскажу.

Полина замерла. Он дохромал до лестничных перил, облокотился на них, с превосходством глядя сверху вниз. Усмехнулся:

– Хватит позориться, идиотка, – хозяйски мотнул головой: – Быстро домой!

Возле самой квартиры схватил её за шею, придавил к стене:

– Ещё раз что-то подобное и вылетишь у меня на хрен к бабке своей, поняла? А к Машке даже близко подойти не сможешь! Поняла? – тряхнул, стукнув головой об стену.

– Поняла...

– Не слышу?!

Громыхнул засов, и Полине в лицо ударил свет из соседской квартиры. Марк стремительно отдернул руку, Полина опустила голову. Боже, как стыдно...

– Чё за кипишь, соседи? – с хрипловатой ленцой спросил Руслан.

– Уважаемый, ты тут лишний, так что отвали! – прикрывая собой Полину, бросил через плечо Марк.

Руслан открыл дверь ещё шире.

– Соседка, проблемы? Помощь нужна?

– Не лезьте не в своё дело! – как можно злее выкрикнула она и сбежала в квартиру. Закрылась в ванной. Сердце выпрыгивало.

Ну зачем он вмешался? Как теперь доказать, что он сам? Достаточно ли грубо она ответила, поверит ли в это Марк?

Осела на корточки, уткнулась лицом в дрожащие ладони.

Господи, он вмешался! Он за неё заступился!

Соседка сбежала так быстро, что Руслан даже лица толком разглядеть не успел. Муженёк же её решил дешёво понтануться напоследок: в глаза посмотреть, правда, так и не осмелился, но выждал короткую паузу, высокомерно усмехнулся и...

Руслан пихнул его к стене, резко и жёстко придушил локтем. Рыкнул сквозь зубы:

– Слышь, фуцан, увижу на ней хоть один синяк – урою! Усёк?

...Потом долго унимал ярость, пытался досмотреть киношку, но не мог сосредоточиться.

Чем они там занимались, может, целовались, а он влез. А может, это их любимое занятие – разругаться в хлам, а потом, на эмоциях, в койку – мириться. Бывает и такое.

Чуйка, конечно, шептала – ни хрена они не целовались, но она могла и ошибаться, просто потому, что у Руслана теперь, получается, был личный интерес вмешаться.

Так, Подольский, завязывай уже с этим, а?

...А вот был бы на площадке свет – знал бы наверняка.

Глава 15

Вечером следующего дня возвращались с Машей с прогулки и, едва выйдя из лифта, попали в пекло скандала.

Хотя, как скандал – скандал, это когда участвуют как минимум двое, здесь же на слюни исходила тётя Валя, а сосед, сунув руки в карманы, просто невозмутимо слушал.

– Нет, ты смотри на него, Полин, – ринулась к ней за поддержкой тётя Валя, – ты смотри, нахал какой нарисовался! Мы тут, значит, испокон веков живём, а он нате – заявился, и сразу свои порядки! – Повернулась к Руслану: – А я тебе говорю, убирай! Не собираюсь я за тебя платить! И вообще, у меня щели над дверью, мне ночью свет в квартиру попадает, я уснуть не могу! А у меня давление! – Схватила Полину за рукав: – Скажи ему, Полин! Это ж, это ж... – потрясла растопыренной ладонью, – это ж, считай, прям над головой у тебя будет! Ну?!

Полина подняла голову – над дверью Руслана, там, где все эти годы торчали провода от выданного с корнем патрона, теперь была вкручена лампочка. Наткнулась на смеющийся взгляд соседа, закусила губу, сдерживая ответную улыбку, и молча поспешила к своей квартире.

– Здра-а-асти, – проходя мимо пискнула ему Маша.

– Привет, – подмигнул он ей. – Гулять ходили?

Маша закивала:

– На качели.

– О, ну на качели, это же классно! – одобрил Руслан и, не выдержав больше воплей, повернулся к тёте Вале. – Слушайте, а давайте я просто пришлю к вам рабочих, и они заделают щели? Где там у вас, над дверью? Под дверью? В потолке? Везде заделают! Бесплатно, тёть Валь!

– Ага! Нашёл дуру! Чтобы я тебя ещё и в дом к себе запустила? Ага! Сейчас! Раскатал губу!...

Примерно через час соседка пришла к Полине и прямо с порога стала обвинять её в неблагодарности.

– Я от тебя не ожидала! Ты, значит, как за помощью ко мне – это всегда первая, а как поддержать по-соседски – это значит, в кусты. Ну-у-у, Полин, – грозно потрясла пальцем, – это у нас так не пойдёт! Ты уж определись за кого ты!

– Тёть Валь, а что плохого-то в лампочке? Наоборот, удобно. На других этажах есть свет, вы же не требуете его убрать? Оплачивается по общедомовому счётчику, там копейки в пересчёте на квартиру будут.

– Так там-то у них, на этажах, проходной двор, а у нас тут – ты, да я! Зачем нам свет?

– Ну, во-первых, теперь уже не только вы да я, а во-вторых – а почему нет-то?

– Так, знаешь, что... С тобой каши не сварить! – и решительно оттеснив Полину, соседка ломанулась в комнату.

Марк сразу принял её сторону. На все сто подтвердил её выводы по поводу наглости соседа и обещал, что просто так это не оставит.

– Ты ж понимаешь ещё, в чём дело-то, Марк, – перешла на душевные излияния тётя Валя, – сам факт, понимаешь? Заявился: ни тебе здрасти, ни посоветоваться, а вместо этого сразу: буду делать, как хочу! Умник нашёлся! Это ж сегодня лампочка – а завтра что?

– Да всё правильно вы говорите. Он мне тоже сразу не понравился.

– Да ещё бы! Уже одно то, как он Полинку-то твою в лифте лапал! Ну? Каково?

– Да что вы такое говорите! – ужаснулась Полина. – Никто меня не лапал! Это просто недоразумение. И хватит уже об этом, а, тёть Валь?

– Ну почему же... – сцепил руки на груди Марк. – А мне очень интересно. Я, конечно, как лох, вечно не в курсе, но хотелось бы послушать.

– А ты что, не сказала ему? – повернулась соседка к Полине. – А чего ж ты? Ну... Ну ничего, ничего, бывает, – попятилась на выход. – Потом скажешь. А главное, что мы-то свами вместе, а он один. Пустое место! Вот и всё. И лампочку эту я ему так не оставляю!

Она сбежала, а Марк... А он вёл себя, как обычно: сидел за компом, смотрел телек, за ужином рассказывал об этих своих биржах. Как ни в чём не бывало! И это была такая мука...

Полина словно не дышала. Сотни, тысячи раз прокручивала в уме возможный диалог, объясняла, оправдывалась, просила прощения за то, что не сказала сразу, снова оправдывалась... А Марк просто молчал.

В воскресенье в кои-то веки выбрались всей семьёй на речку. Разлив затопил берега, Маша мочила ножки и копала в песке ямки. Марк жарил сосиски. А Полина... Она толком не понимала, что делает, как делает, зачем. Она просто сходила с ума, потому что Марк до сих пор молчал. Как ни в чём не бывало.

И если это было наказание, то это что-то новенькое. Изощёренное.

Ночью она не выдержала сама. Начала едва ли не с оптового рынка, где пригрузилась в тот раз больше обычного, упомянула разговор со свекровью, потянутое запястье и, наконец, с замиранием сердца, перешла к конфликту в лифте. Говорила, увязая в ненужных деталях и подробностях, и с отчаянием понимала, что всё это выглядит так, словно она оправдывается. Знала, что говорит правду, но чувствовала себя так, словно безбожно врёт и выкручивается...

– ...Вот и всё, Марк. Просто недоразумение, даже и говорить не о чем.

А он молчал. Хотелось треснуть его, заорать: «Ну скажи хоть что-нибудь!», но Полина лишь лежала и не понимала, что опять не так. А потом догадалась. Внутренности скрутило возмущением, но она взяла себя в руки и загнала гордость подальше.

– Марк... прости. Обещаю, это больше не повторится.

– Вот как тебе верить, Полин? – после долгого молчания, наконец ответил он. – Если ты врёшь на такой ерунде, можно представить, что ты творишь покрупняку. Я не знаю, что с тобой делать. Серьёзно. Но если хочешь уйти от меня – иди, я же не держу. Я... Я не знаю... – снова долгая пауза. – Я просто из окна тогда шагну и всё. Серьёзно. Вообще не вижу смысла без тебя. Я ж... – говорил тяжело, словно справлялся с собой, может, даже слёзы душил. – Я ж с самого начала всё ради тебя. Даже с Ингой тогда порвал. А она, между прочим, в Москве теперь, при Газпроме устроилась и мужа туда протащила. Он у неё лох конкретный, зато в Газпроме. Круто же? А на его месте мог бы быть я... Мне мать каждый раз мозг этим выносит. А я... А что я, – вздохнул, – я же всё ради тебя, с самого начала. Думал, хотя бы благодарность от тебя будет. А ты вот так. Ну ладно, хрен ли... Иди. Насильно мил не будешь, я же понимаю. Просто я боялся, что ты меня на богатенького папика променяешь, это хоть как-то, а ты вообще на чмыря какого-то. Даже обидно. Не, ну так-то понятно, тебе ж главное, что он не инвалид...

– Марк, ну нет у нас с ним ничего, не было, и быть не может! Вообще! Ну просто мужик какой-то. Просто сосед! И ему до меня дела нет, и мне до него!

– Ага, нету дела. А чего ж он тогда выскочил?

– Ну откуда я знаю? Может, он мент и ему до всего есть дело? Или думал, вору лезут? Или вообще, как тётя Валя, под дверью днём и ночью пасёт? Я не знаю!

Марк навалился вдруг на неё, сопя, прижался губами к уху. Полина испуганно замерла, по заливку поползли мурашки – мерзкие, как пауки. Даже дыхание от них перехватило.

– Бре-е-ешешь... Я знаю, что ты брешешь, потому что он, дебил, тогда спалился. Так ему и передай, что он лошара. Но я тебя прощаю. Опять прощаю, потому что люблю тебя, суку брехливую. Я люблю. Я! А он просто трахнуть хочет... если не уже. Так что не обольщайся на его счёт, на хер ты ему не сдалась, с чужим ребёнком. Ты вообще никому не нужна, кроме меня. Просто посмотри на себя, ты кто? Ни образования нормального, ни жилья, ни рожи,

ни хотя бы сисек, за которые подержаться хочется. Ты вспомни, кем ты была, когда я тебя подобрал? Деревенская клуша, а за душой только бабка-кошатница и развалившаяся халупа, которую вы называете домом. Я тебя пожалел, я тебя поднял, я тебе всё дал. Я тебя сделал! Даже трахаться тебя, рыбу дохлую, научил Я! А ты... Сука неблагодарная. Но я тебя всё равно прощаю. Потому что люблю. Это ясно?

На живот легла его потная ладонь. Полина вздрогнула и судорожно свела колени. И тут же с отчаянием поняла, что сейчас отказывать никак нельзя...

Лежала потом, использованная, слушала храп мужа и хотела умереть. Так это страшно – понимать, что ты ничтожество, пустое место, и единственное, что хоть как-то придаёт тебе вес, это человек, от которого тебя чем дальше, тем сильнее тошнит. Но ведь в чём-то он прав. Всё, что у неё есть своего, это Маша и бабушка в забытой богом деревне.

...И вдруг вспомнила про лампочку, освещающую теперь их дверь. И как бы ни было ей сейчас погано – улыбнулась. Совпадение, конечно. Просто новый жилец, мужик, хозяин. Просто не хочет шариться в потёмках, возвращаясь домой за полночь. Но для Полины эта лампочка неожиданно стала каким-то маячком, словно её зажгли там специально для неё. Глупо, конечно...

Так захотелось подойти к окну и уловить табачный дымок... Ей не хватало этого тепла. Отчаянно не хватало.

Но она не пошла.

Глава 16

На следующий день забежала после обеда домой и снова попала в конфликт на этаже. Только на этот раз всё было ещё эпичнее: площадка заставлена старыми оконными рамами, дверь в квартиру соседа распахнута, оттуда слышен грохот и голоса. Пыль в воздухе, белые следы на полу – глобальный ремонт, одним словом. И тётя Валя, бегающая из угла в угол, цепляющаяся к рабочим, выносящим к лифту мешки со строительным мусором – то не там ставят, то слишком шумят, то не так ей отвечают.

В квартире послышалась возня, мат, и на площадку вынесли оконную решётку. Полина посторонилась, давая рабочим место для манёвра и вынужденно отходя к тёте Вале, и та тут же вцепилась в её локоть:

– Ты смотри, смотри! Нет, ты видишь, что творится-то?

– Окна меняют. Что тут такого?

– Да какие окна? Чёрт бы с ними! Решётки! Решётки снимал!

А рабочие как раз вытащили следующую решётку. Тоже прислонили к стене.

– Куда тыставишь? Кто так ставит? – заорала тётя Валя. – Ты мне так все стены тут поисцарапаешь! Эй, слышишь, я с тобой разговариваю!

Но рабочие не отреагировали.

– Ты видала? Нет, ты видала? – схватила за сердце соседка. – Все как один – нахалы! Гастарбайтеры чёртовы! Чтоб вам сдохнуть, гады! О-о-ох, Полин, это же уже не шуточки... Это же уже... – задохнулась гневом, подбирая нужные слова. – Это же для тебя в первую очередь аукнется! Я тебе сколько говорила – поставь решётки! Сколько, а? А я знала, знала, что вот так будет! А ты меня не слушала!

– Я вас не понимаю.

– А ты пораскинь умишком! Тебя теперь что защищает-то от него, от соседа этого вашего ненормального? Ну? Ничего! Залезет, ограбит, а то и ещё чего! А с него станется, вот увидишь!

Полина вытащила локоть из её пальцев:

– Главное, что у вас решётки есть, тётя Валь, а я уж как-нибудь обойдусь. Вы извините, у меня времени в обрез, бежать надо...

– погоди, я это, спросить хотела – у тебя есть краска, покрасить меня? А я пенсию получу, и верну тебе тогда. Есть?

– Найду, – вздохнула Полина.

– Ой, ну отлично! Сегодня вечером забеги ко мне, ладно?

– Постараюсь.

– Ну давай. И на счёт решёток, Полин – ты вот зря так к этому относишься! С этим надо что-то делать, потому что... – в этот момент рабочие завозились перед дверью, собираясь выносить третью решётку, и Полина поспешила проскочить к себе, чтобы не стоять больше с тётей Вале. И даже из-за своей закрытой двери слышала, как та орёт, заставляя рабочих сию же минуту выносить всё это с площадки.

Вечером, едва вернулась от тёти Вали, в дверь тихонько постучали. Глянула в глазок – Руслан. Сердце заколотилось. Оглянулась на комнаты, убеждаясь, что Марк не слышал, и осторожно шмыгнула в подъезд.

– Привет, соседка, – сунув руки в карманы, слегка склонил он голову. – Ты почему сама не сказала, что шум мешает? Я же, вроде, не дурак, понял бы. Тем более, если ребёнок пугается. Ну как-то по-человечески же можно обговорить, зачем сразу участковый?

– Не поняла?

– Ну дочка у тебя спать боится из-за ремонта моего, так?

– Нет, с чего вы взяли? У неё комната вообще на другую сторону выходит, к тому же, днём она в садике, а вечером у вас тихо.

– И к участковому ты на счёт шума не ходила?

– Нет, конечно! И в мыслях не было!

Руслан усмехнулся:

– Да уж... Слушай, как ты с ней тут уживаешься вообще? – кивнул на дверь тёти Вали. – Это же баба Яга какая-то.

– Ну... есть немного, – улыбнулась Полина. – Но она нормальная на самом деле, главное её не злить.

– Да она же сама злится, её никто и не трогает!

Помолчали.

– Ладно, если шум не мешает, я спокоен. Но если что – ты говори, не стесняйся.

– Не переживайте, вообще ничего не слышно, – заверила Полина и тут же вспыхнула, вспомнив, что кое что всё-таки бывает слышно. – До свидания!

– погоди, ты это, – задержал Руслан, – если вдруг нужно что-нибудь будет, ну чисто соседски, ты не стесняйся, обращайся.

Полина даже улыбнулась от неожиданности:

– Соли щепотку или маслица кусочек?

Руслан рассмеялся:

– Ээ... Да нет, как раз-таки с этим у меня может быть туган. Я больше про хозяйство – гвоздь вбить, или, там, розетку починить. Кран поменять. Лампочку вкрутить. Ну, такое.

– Спасибо, но у меня ведь муж есть.

– Ну да, – после небольшой паузы кивнул сосед, – муж. Точно. Ладно, извини.

Поздно вечером следующего дня, когда уже готовились ко сну, пришла тётя Валя, причём не к Полине, а к Марку. О чём-то переговорили, и он дал ей денег.

– Что это было? – спросила Полина, когда соседка ушла.

– Бабка боевая, конечно! – довольно потёр руки Марк. – Сказала – сделала. Электрика сегодня вызвала, он лампочку вместе с патроном снял.

И тут только Полина поняла, что в подъезде действительно снова темно.

– Понятно. А ты, как я понимаю, спонсировал эту спецоперацию?

– Вот только не начинай, а? Бабка на пенсию живёт, откуда у неё такие деньги?

– Ерундой страдать не надо, и деньги не понадобятся! И ты тоже – ну вот чего ты лезешь? Тебе что, мешал свет? Ладно она – её из вредности замкнуло, но ты-то?

– Ну хорош бурчать, – благодушно притянул её к себе Марк. – А то я подумаю, что ты снова этого чмыря защищаешь. И вообще, знаешь что... – пробежался пальцами по её груди, – давай Машку к бабушке твоей на недельку съём и оттянемся, как в старые добрые? Надо же мне как-то возвращать свои законные позиции? Я тебе докажу, что я ещё ого-го... Не представляешь, как я хочу, чтобы ты орала так, чтобы весь подъезд слышал, как я тебя... – подцепил резинку её шорт, потянул вниз.

– Марк... – затрепыхалась Полина.

– Ну чего, Марк? Чего Марк? – жёстко прижал её к себе. – Я тебе муж, или кто, в конце концов? Я ради тебя с виртом завязал, мне теперь больше надо, а ты как думала? Иди в душ. В спальню придёшь мокрая и в одном полотенце, ясно? – скользнул пальцем под трусы.

Полина дёрнулась, он перехватил её руки.

– Я спросил, тебе ясно?

– Я не могу, Марк... Я... У меня по-женски проблемы.

– Чё ещё? – недовольно отстранился он.

– Не знаю. Просто болит всё. Я на послезавтра к врачу записалась.

Врала и отчаянно боялась, что он не поверит, но и согласиться на то, что он предлагал, не было ни сил, ни желания.

– Опять брешь?

– Нет.

– Ладно, допустим. Но горло-то у тебя не болит, надеюсь? Справишься?

– Марк... Мне в целом плохо. Везде. Я просто не могу пока. Ну пойми, пожалуйста!

– Ладно, – звонко шлёпнул её по заднице. – Даю тебе время до конца недели. Хватит, надеюсь?

Ложиться не спешила. Специально задержалась то на кухне, то у Маши в комнате, то в ванной. Книжку почитала, по соцсетям полазила. Кое-как дотянула до часа ночи. А когда уже собралась спать, услышала гул лифта, и интуиция тут же шепнула: «К нему»

В груди противно защемило. Ругнула себя как следует и, взяв в руки, велела идти в спальню... Но ноги, словно сами по себе, привели в коридор.

В подъезде снова было привычно темно, но женский силуэт из лифта, цокая каблучками, уверенно проплыл к двери соседа. Полина глаза сломала, пытаясь уловить какие-то Светкины приметки, но ничего конкретного так и не разглядела. Гроыхнул засов, соседская дверь открылась, отгораживая собою ночную гостью.

– Ого, Подольский, – услышала Полина её голос, – вот это у тебя тут война! И когда успел-то?

– Дурное дело нехитрое, – приглушённо рассмеялся он.

Дверь закрылась, и голоса зазвучали приглушённо – через стену, и было уже не разобрать, о чём речь. Зато, к чему всё идёт – очень даже.

...Прислушивалась к едва слышной музыке за стеной, к невнятным обрывкам разговора и женскому смеху и пыталась убедить себя, что её это не касается. Пряталась с головой под одеяло, закрывала уши подушкой, отвлекала себя мыслями о работе... Но чем дальше, тем острее начинала грызть ревность. И Полина поняла вдруг, что отчаянно завидует той женщине, кем бы она ни была. Хоть проституткой по вызову! Какая разница, если та сейчас наслаждается собою, жизнью, мужчиной, а Полина только кусает локти и врёт мужу про болезнь?

Фантазия упрямо рисовала картины происходящего за стеной... и они возбуждали! Вспоминался Руслан, его мужественная аура: цепкий взгляд, упрямый профиль и независимые повадки. И руки – большие и крепкие, которые и пугали, и манили... И хотелось реветь от зависти и бессилия.

И вдруг, отчётливо, стон, переходящий в лёгкий смех. Снова стон.

Сердце зашло от волнения и глупого, болезненного азарта. Полина осторожно заглянула мужу в лицо, прислушалась к его дыханию – спит. Помедлила, всё ещё силясь найти в себе здравый смысл... Но так и не найдя, осторожно скользнула с кровати и прижалась ухом к стене.

...В прошлый раз было позабористее. Тогда у них там мебель ходуном ходила, а сейчас всё как-то томно, с разговорами, со смешками. И всё равно они там не чай пили, точно. В этом уже не оставалось сомнений.

Женский голос был выше, чётче, да и сама гостья поболтливее, и иногда даже было понятно о чём она говорит, но это только мешало – Полина жадно ловила голос Руслана. Негромкий, с хрипотцой, он звучал реже, на нижней границе слышимости, и каждый раз рассыпался по Полининой коже тёплыми бархатными мурашками. И казалось, сейчас уже не было силы, которая заставила бы её оторваться от стены. Гремучая смесь ревности, зависти и постыдности собственного поведения дурманила. Полина тонула в ней, теряя за гулками ударами сердца способность соображать.

А когда в шею сзади вцепились пальцы – обмерла и даже не шевельнулась, пока муж, приложив ухо к стене, тоже прислушивался... Его пальцы скользнули вперёд, прижимая горло под челюстью.

– Выздоровела уже, да, дорогая? Развлекаешься теперь? – говорил спокойно, и Полине даже показалось вдруг, что уж он-то её точно поймёт. Это же всё так... несерьёзно. Как и этот его вирт, только ещё глупее. Вообще ни о чём...

За стеной вскрик, переходящий в стон.

– Ух, как он её... Тоже так хочешь, да? К нему хочешь? – сильнее стиснул пальцы. – Его хочешь?!

Яростное короткое движение, и Полина, будто пушинка, полетела на кровать. Но приземлилась мимо. Стукнулась копчиком и коленом, растерялась, приходя в себя. Охнула, когда муж рванул её за волосы, затаскивая на кровать. Засучила ногами, замолотила руками, сопротивляясь... Он врезал ей под дых, и пока она судорожно пыталась вдохнуть, снова рванул за волосы, подтягивая ещё выше. Навалился и, придушивая одной рукой, второй грубо сунулся в промежность.

– Да ты мокрая, с-с-сука... Ты, тварь, мокрая на него!!!

...Он бил её и одновременно имел – жестоко, изощрённо, а она грызла губы и молчала, понимая, что если уж ей слышны стоны за стеной у соседа, то и её крики будут слышны у него. Не говоря уж о Маруськиной комнате.

Кончив, муж намотал её волосы на кулак:

– Тварюга неблагодарная! Последний раз предупреждаю – ещё раз что-то подобное и вылетишь на хрен из моего дома! Родительских прав лишу, у матери везде есть связи, сама знаешь! Налоговиков на тебя натравим, по судам затаскаем. Ублюдина... Ничтожество. Запомни, ты без меня – мусор, поняла? Никто! Знай своё место, сука!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.